

Б. КОНОФАЛЬСКИЙ ИНКВИЗИТОР

ЧАСТЬ 7

БАШМАКИ НА ФЛАГАХ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

Элеонора Августа фон Эшхт

18+

Путь инквизитора

Борис Конофальский

**Инквизитор. Башмаки на
флагах. Том четвертый.
Элеонора Августа фон Эшбахт**

«Автор»

2021

Конофальский Б.

Инквизитор. Башмаки на флагах. Том четвертый. Элеонора
Августа фон Эшбахт / Б. Конофальский — «Автор»,
2021 — (Путь инквизитора)

Окончание саги о деяниях предобрейшего рыцаря божьего, меча веры и
верного сына Святой Матери Церкви Иеронима Фолькофа фон Эшбахта,
кого прозывали Инквизитором и Дланью Господа.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	41
Глава 9	45
Глава 10	50
Глава 11	54
Глава 12	59
Глава 13	62
Глава 14	66
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Борис Конофальский

Инквизитор. Башмаки на флагах. Том четвертый. Элеонора Августа фон Эшбахт

Глава 1

Эрик Георг Дорфус встретил его в простой одежде. В совсем простой, как подмастерье какой-нибудь. Может, так для дела и надо. Он хотел Волкову что-то сказать, а тот обхватил молодого офицера крепко, обнял как родного, как отпустил, так сразу с расспросами к нему:

– Знаю, что дело вы сделали большое. Купец говорит, карта у вас готова?

– Готова, господин генерал, дозволейте сходить за ней.

Они стояли на улице, Волков решил в трактир не заходить, чтобы купчишка какой не признал его и не разболтал завтра где-нибудь на мелликонской пристани, что в Лейденце ночью видел Эшбахта.

Так он думал сохранить в тайне своё пребывание ещё хоть на день или на два.

Капитан сходил к себе, принёс карту и лампу, уселись прямо наземь на берегу реки. Расстелили промеж себя листы с рисунками дорог, речушек, городов и сёл.

– Мелликон, – указывал капитан палочкой. – Вот лагерь. Полмили от берега. Сто, сто десять палаток было вчера.

– Вы не ошибаетесь, капитан? Точно там сто десять палаток? – спросил генерал. – Полк Карла Брюнхвальда идёт сюда скорым маршем, завтра станет на отдых у Эвельрата, в одном дне пути отсюда, будет ждать приказа. Ландскнехты и кавалерия тоже на марше, через пару дней будут в Эшбахте. Баржи уже готовятся. Ошибка ваша после высадки на тот берег может дорого мне стать.

– Нет, не ошибаюсь, – отвечает капитан. – вчера там был, если и ошибаюсь, то ненамного.

– Генерал их... как его там? – вспоминал кавалер. – Каненбах, кажется...

– Да, он. Штандарта его над лагерем нет.

– Значит, они ещё не все собрались?

– Руку дам на отсечение, что они ещё не готовы, – отвечал Дорфус с такой твёрдостью, что Волков поверил. – Если нам удастся взять лагерь со всеми припасами, что там есть... Даже одного этого... Даже если всё остальное не получится, так сорвём им кампанию на это лето.

Тут он был прав. Абсолютно прав. Волков не отрываясь смотрел на карту:

– А это что? – он ткнул пальцем.

– Так и знал, что вы обратите на этот город внимание, – сказал капитан, – Всликофен. Городишко зажиточный, немаленький, тысяча на двадцать человек. Если пойдём в глубь кантона, на Мюлибах, то придётся его брать.

Это было понятно, если двигаться вглубь территории врага, то оставлять такой крупный город у себя в тылу было нельзя. Но Волков сомневался. Он вообще подумывал ограничиться большим набегом. А тут город... осада... Очень, очень не хотелось ему всей этой возни, особенно учитывая то, что солдаты и так не горят желанием воевать с горцами.

– Стены, башни, рвы?

– Я бы и сам сомневался в необходимости брать город, не повидай я его, – начал капитан.

– Что, стены старые?

– Старые, старые. Людишки горные так запугали соседей, что те к ним не совались лет двести уже. Стены с тех пор, кажется, и не ремонтировались, кое-где уже трещинами пошли. Рвы засыпались, как будто и не было их никогда, у главных, у южных ворот был подъёмный

мост – был подъёмный, нынче он в землю врос, теперь он поднимется если только провидением Божиим. Ворота сами были некогда дубовыми и оббиты железом, но даже дуб, и тот обмяк за столько лет.

– Значит, горожане страха не знают, – резюмировал кавалер.

– Понятия о том не имеют. Да кто из ближних князей осмелится с ними воевать? Ребен- рее? Архиепископ? – Дорфус небрежно машет рукой. – У вас есть картауна, за два дня в любом месте пробьём стену и войдём.

Волков смотрел на карту, он всё ещё сомневался, а капитан продолжал:

– Главным лагерем будет Мелликон, река близко, хороший подвоз, а Висликофен удобен как оперативная база, от него в любую сторону кантона хоть на юг, хоть на запад два-три, максимум четыре дня солдатского шага до границы. Возьмём Висликофен, и вся земля Брегген под нашим контролем. Дороги у них везде отличные, отсюда можно и на столицу идти, и округу выжечь.

Тут капитан был прав. Город нужно будет брать. Хорошо, что ещё одну пушку он при- купил. Точно не помешает. Город придётся брать, и причём брать по возможности быстрее, начать сразу, как только Эберст приведёт свой полк и артиллерию, не ждать, пока горожане решат стены подлатать.

– Думаете, город возьмём без труда? – спрашивает Волков, не отрывая глаз от карты.

– Города у них слабы все. И столица тоже. Нет нигде ни башен хороших, ни современных стен. Любой можно брать. Если в поле их одолеешь, конечно..., – говорит молодой капитан Дорфус.

Ночь, звёзд полное небо, сверчки кричат, с лягушками в реке соревнуются в голосе. Кони осёдланные щиплют траву, Максимилиан и Румениге в десяти шагах от генерала и капитана затеяли костёр. А генерал и капитан с небольшой лампой так и не разгибаются от карты, так и смотрят в неё.

– Значит, думаете, возьмём город? – снова спрашивает генерал.

– Город возьмём, если возьмём лагерь, – отвечает капитан. – Но кампания лёгкой не будет.

– Не будет?

– Нет. Смотрел я там всё, смотрел, всё у них хорошо. Богато живут люди... Ну, те, что в долинах и у реки. Дома крепкие, дороги хорошие. Но вот что я заметил: там каждый клочок земли вспахан, вскопан, засажен, а где ничего посадить нельзя, так там скот пасут.

– И что же в том плохого? Будет что взять у них.

– Так то и плохо, что земли у них мало, а людишек много, – объясняет Дорфус. – И много люда безземельного, бедного. Поэтому у них во все времена так многочисленны их баталии, что людей бедных, крепких, дружных да злых в их земле в избытке. Всякий раз они на войну по первому зову горазды.

Свет маленькой лампы едва попадал на умное лицо капитана. Волков косился на него и вздыхал, понимая, что Дорфус, хоть и молод, но умён и, скорее всего, прав в том, что дело будет нелёгким.

Они всё говорили и говорили, вопросов было много, говорили, пока масло в лампе не стало кончатся, пока звёзды не стали гаснуть на небе. И лишь когда потух костёр, Волков встал:

– Прошу вас ещё раз съездить в Мелликон. Ещё раз взглянуть на их лагерь, осталось три-четыре дня до дела, может, ещё что выведаете.

– Хорошо, отправлюсь сегодня, послезавтра вернусь, – отвечал Дорфус. – Отвезу туда пару бочек мёда, попытаюсь продать его прямо в лагере.

Волков обнял капитана:

– Храни вас Бог.

Рано, ещё до рассвета, по реке поплыл туман. Волков, и Максимилиан, и Румениге ехали по берегу реки. Поверху. А внизу, в тихой заводи, с мостушки, трое людей укладывали длинные вёсла в большую лодку.

– Эй, почтенные, – окликнул их кавалер.

– Что вам, добрый господин? – отозвался один из них.

– А сколько возьмёте, чтобы двух людей и двух коней переправить на тот берег?

– Это к разбойнику Эшбахту вас перевезти?

Максимилиан хотел было крикнуть что-то злое наглецу, но Волков его остановил, засмеявшись:

– Да, к нему.

– Без коней и за двадцать крейцеров перевёз бы, а с конями... Полталера, добрый господин!

– Уж больно ты жаден, братец, – крикнул Волков, сразу перестав смеяться, как только ему озвучили цену.

– Нет, добрый господин, это хорошая цена, – кричит ему мужик, – других лодок тут нет, а на пристани с вас больше возьмут.

– Ладно, но Бог ещё тебя накажет за твою жадность, – кричит ему кавалер. И уже говорит Максимилиану: – Прапорщик, езжайте за моей казной и людьми, доставьте всё ко мне в Эшбахт.

– Сеньор, но если мы поедем вместе, вы потеряете пару часов, но сэкономите полталера. На кой чёрт вам этот жадина?

– Не могу ждать, Максимилиан, не могу больше ждать, – ответил Волков и направил коня к воде.

Он и вправду не мог больше ждать. Он хотел домой. Первый раз в жизни с ним было такое, в груди его поселилось чувство тревожное, щемящее, но радостное. Будь он женщиной или человеком душевным, так, возможно, даже и прослезился бы, но старый солдат на такое был неспособен. Тем не менее, волновался, волновался, хоть и виду не выказывал. Кажется, лишь сейчас он понял, что значит возвращаться домой. Туда, где тебя ждут. Конечно, он очень хотел видеть Бригитт. Хотел видеть её живот. Он, наверное, уже замечен. Ну и, конечно, жену. Ей вообще скоро уже рожать. И Ёгана хотел видеть, и Сыча, и даже кухарку Марию. Но всё-таки больше всех её. Свою ненаглядную Бригитт. Наверное, у неё опять вся спина в веснушках. Весь носик тоже.

А мужики на вёсла налегают, тут выше пристаней течение быстрое, река сильная, лодка уже на стремнину выплыла, лошади стоят, не шелохнутся, только ушами прядают, боятся воды, а хозяин лодки вдруг говорит:

– Извините, добрый господин.

А сам мрачен стал, сидит на руле, насупившись.

– За что? – Волков догадывался, почему лодочник просит прощения.

– За то, что лаял вас, – говорит мужик, – сразу нужно было догадаться, что вы и есть сам Эшбахт.

– А как сейчас догадался?

– По коню. Конь-то у вас талеров сто стоит, перстни на перчатках, камень синий на шапке. Одежда всё бархат да шёлк. Всё дорого. Здесь таких других, как вы, нет, здесь все господа прижимисты похлеще какого мужика, ездят на меринах да на кобылах, а у вас всё напоказ. Сразу видно, военный. И едете в Эшбахт. И ростом велики. И при военных людях были. Надо было смекнуть сразу. Я за ругань свою с вас плату не возьму.

Волков достал монету в талер, кинул её лодочнику:

– Деньги возьми, а вот рта не разевай. Чтобы никому ни слова, что видел меня. И людям своим скажи, чтобы три дня молчали. Никому. Ни слова. Под страхом смерти.

– Как пожелаете, господин. Слышали ребята, держите языки за зубами! – кричит он гребцам.

Одета она была в простое платье и передник, на голове штойхляйн из тех, что носят женщины замужние. С одной из дворовых девок она кормила кур, и тут же взяла от стены метлу и собственноручно немного подмела угол двора. Но даже в простом платье, и с метлой, и в штойхляйне она была чудо как хороша. Тут служанка подняла глаза от кур. И произнесла:

– Ой, господин, приехали!

Бригитт тут же обернулась, и лишь сейчас стал заметен её живот.

Вот почему она не в узких платьях, которые так любит. Женщина отбросила метлу и сначала шагом, а после и бегом кинулась к нему. Он едва успел слезть с коня, прежде чем красавица была в его объятиях. Да ещё вдруг и плакать стала. Волков даже растерялся. Он чуть отстранился от неё, чтобы видеть лицо своей женщины. Да, она всё так же была зеленоглаза, а веснушки засыпали её носик. Да, это была его Бригитт. Плачущая Бригитт.

– Отчего же вы так долго? – спрашивала она, взяв его небритые щёки в свои ладошки. – Купцы давно уже говорили, что хамов вы побили, а вы всё не ехали и не ехали.

– Ну что это вы? – говорил Волков, целуя её в губы и тут же пытаясь своей тяжёлой и вовсе не мягкой рукой вытереть с нежного женского лица слёзы. – Отчего плачете? Приехал я, ехал к вам. Удержаться не мог, людей своих с обозом кинул и к вам поехал. Не плачьте, моя дорогая.

– Ко мне ехали? – спрашивала она, пытаясь поцеловать его руку.

От этой красивой женщины пахло молоком топлёным.

– К вам, – он сжал её крепко. – К вам.

Он отпустил её.

– Рада, что вы вернулись, вот и рыдаю, – кивала она, и сама вытирая слёзы. – Знаю, что глупость то бабья, а сдержаться не могу. Последнее время часто рыдаю, как дура. Видно, это отсюда. . . , – она провела руками по своему округлившемуся животу.

Волков наконец высвободился из её объятий и аккуратно положил руку ей на живот:

– Как ваше здоровье?

– Хорошо, – отвечала она, накрывая его большую руку своими маленькими. Бригитт не стала ему говорить, что тошнота её изводит, что от нужника дальше, чем на сто шагов, она отойти не может. Зачем о том мужчине знать? Ему и своих волнений достаточно. – Монахиня наша говорит, что всё хорошо у меня. А у вас, господин, как здоровье, как нога ваша, как плечо?

– Да что им будет? Так же, как и раньше.

– Я всё волновалась, не ранили ли вас.

– Да как же меня ранят? У меня теперь чин генеральский, я за солдатами далеко на коне сажу.

Она тут на него смотрит строго, не верит ему:

– А как же господина Увальня убили, господина Бертье? Господину Брюнхвальду едва ногу не отрубили? Он две недели встать не мог.

«Видно, сестра ей разболтала, а сестре Рене; вот старый болван, наверное, ещё и жаловался на меня в письмах».

– Ну, они же не полковники были, – нашёл, что ответить он.

Волков, хоть и очень не хотел, наконец убрал от Бригитт руки – мало того, что слуги видят, так ещё и госпожа фон Эшбахт увидеть может. Госпожа Ланге всё понимала. Достала платок, стала вытирать последние слёзы с лица:

– Велю воду греть для вас.

Он кивнул и пошёл в дом. А там случилось то, чего он ну никак не ожидал. Вошёл кавалер в свой дом, не успел до стола дойти, чтобы сесть в своё кресло и позвать девку, которая стянет с него сапоги, как на лестнице появилась его жена. Была она грузна, крупна более прежнего и уже с большим животом. Увидев мужа, Элеонора Августа Мален фон Эшбахт кинулась вниз, рискуя скатиться по лестнице кубарем.

– Ой, что вы, матушка, что вы...? Остановитесь, – кричала ей вслед старая монахиня, ковыляя за госпожой.

А Элеонора Августа уже бежала к кавалеру, тянула к нему руки, забыв о том, что она дочь графа, и завывая, как простая деревенская баба. Он едва встать успел, как она бухнулась в него своим круглым животом, подвывая, повисла на нём:

– Господи, наконец приехали вы, господин мой.

Пахло от неё потом, а не топлёным молоком. И была она тяжела, даже для него, и слезлива, как и раньше.

Глава 2

Жена сидела рядом и со всхлипываниями, и со слезами рассказывала ему о том, что Бригитт совсем её не слушает и уважения не выказывает. И что слуг подбивает её, госпожу Эшбахта, не слушаться. А у него после ванны глаза сами закрывались, он очень устал. Очень. Он просто хотел поесть перед тем, как лечь спать.

– А она ни к обеду, ни к ужину уже не выходит, брезгует, – жаловалась Элеонора. – Ест со слугами. Во все дела свой нос суёт. С Ёганом всё сама решает, как хозяйка, меня не спрашивает.

– Госпожа моя, что вы от меня хотите? – устало спрашивал кавалер.

– Откажите ей от дома.

– И куда же ей идти?

– Куда угодно, пусть в Мален едет, авось с её распущенностью пристроится куда-нибудь.

Волков смотрит на пополневшее, отёчное лицо жены. Слушает её голос, который вот-вот сорвётся в крик, в слёзы, и молчит.

«Куда ей до Бригитт».

– Пусть из дома моего съезжает, – настаивает Элеонора Августа.

И вся беда в том, что она имеет право этого требовать. Будь Бригитт девкой дворовой и понеси она от господина, может быть, дочь графская не требовала бы убрать её с глаз долой. Сын холопки законному сыну никогда ровней не будет. Но тут было всё по-другому... И жена, и Бригитт, обе беременны, и обе могут родить сыновей. Тогда даже незаконный сын, рождённый под крышей Эшбахта и признанный отцом, может набраться наглости или преисполниться удачей и станет претендовать на наследство отца, помимо истинного наследника. Этого ни одна мать, конечно, допустить не могла. Это было понятно. Но убирать Бригитт от себя он не хотел. Убрать жену не мог, а Бригитт не хотел. Может, это он только из-за неё сюда спешил. Но разве глупая дочь графа, ослеплённая волнением за своё чадо, до этого додумается?

Он думал, что ответить жене. А тут Агнес появилась в дверях. Никто из слуг о ней не сказал. Просто встала в проходе молча и оглядывала всех, кто был в обеденном зале. Волков просто почувствовал её взгляд и сразу повернулся к двери. Взгляд недобрый, у неё часто такой. Но сама красива стала. Жена её тоже увидела, сразу смолкла, изобразила на лице нечто похожее на улыбку.

Девушка прошла к нему, сделала низкий книксен госпоже, подошла к кавалеру, поцеловала ему руку:

– Здравствуйте, дядя.

– Рад видеть тебя, – сказал Волков, указав ей на стул, – садись, есть у меня чем тебя порадовать.

– Июнь нынче жарок, душно у вас, нехорошо мне, разрешите, дядя, на улице с вами поговорить, – произнесла Агнес, при этом улыбаясь Элеоноре Августе так же фальшиво, как и та ей.

Волкову вставать не хотелось, но он встал и под укоризненным взглядом жены пошёл с девушкой на двор.

– Дело моё готово, Сыч мне помог, – сразу сказала Агнес, – вы просили без вас не начинать. Вы приехали, так давайте дело начинать.

– Не терпится, что ли? – спросил Волков, сразу помрачнев.

– Не терпится, – уже зло отвечала девица. – А чего мне терпеть, в хлеву, со скотами пьяными живу. Кабак, одно слово. Ор, вонь да морды козлиные, что облизываются на меня и днём, и ночью. А жена ваша, корова толстозадая, даже к ужину ни разу не позвала. Хотя в первый же день я ей визит нанесла. Хоть девка ваша рыжая иной раз заходила, спрашивала, не надобно ли мне чего... Да и просто поговорить, а то иначе как с Сычом мне бы и словом перекинуться не довелось всё то время, что вас ждала.

– Не была бы ты такой злобной, так, может, и звали бы тебя на ужин чаще, – заметил кавалер.

– У меня в Ланне и недели не проходит без приглашения, хоть злобная я, хоть какая иная, потому что там люди живут... – ещё злее прежнего говорила Агнес, – а тут деревня, глушь, дичь и одно быдло вокруг! С ума я тут схожу! И грязь! Грязь везде! Как ни выйду куда, так подол застирывать надо! Так что давайте уже дело делать.

Волков наклонился к ней и прорычал сквозь зубы тихо:

– Дело будешь делать, когда я тебе велю. А грязь... Грязь потерпишь, ты этой грязи до меня побольше видала, чем со мной.

Агнес насупилась, но дерзить в ответ не посмела, а он выпрямился, отвернулся от неё и задумался на время короткое. Конечно, он мог сказать ей, чтобы сидела в трактире и ждала того момента, который он сочтёт нужным, и она сидела бы и ждала, да дело было в том, что момент этот уже давно, давно наступил. Вот-вот он начнёт войну, имея у себя в тылу лютого недруга. А вдруг случится что? С горцами шутить нельзя, побить могут запросто. И побить могут так, что придётся бежать. И если удастся бежать во Фринланд, ещё повезёт ему, тамошним людишкам он долги раздал, пир устроил, вроде как и замирился, а вдруг во Фринланд сбежать не придётся? Придётся в Малене искать защиты. Что тогда? Очень легко будет в лапы графа попасть, и хорошо, если он выдаст его тогда герцогу, а ведь может и горцам выдать, даром что родственник. Нет, с графом нужно было разрешить всё до войны.

– Сегодня займусь этим делом, люди мои из-за реки приедут, сразу и займусь, думаю, что завтра и ты приступать должна, – наконец после раздумий произносит генерал.

– Уже сообщите мне, когда начинать, – поджав губы, говорит она, – и Сыча мне в помощь дайте. Он мне надобен будет.

Сон? Какой ещё сон? Не до сна ему. Отдых? После, всё после. А пока дела, дела нужно решать, те, что, кроме него, никто не решит.

Тут же за ушедшей Агнес пришёл к нему Ёган, и пока господин завтракал, он и Бригитт сидели рядом и говорили с ним.

– Тысячу людей? – у Ёгана глаза округлились.

– Кажется, больше, – отвечал кавалер, отрезая себе колбасы, – как придут Рене и брат Ипполит, тебе скажут, сколько их.

Ёган, видно, волнуется:

– Господи, да где же я столько расположу?

Волков перестаёт есть, смотрит на него недовольно:

– Ты же, болван, мне говорил, что у нас около реки земли теперь пахать-не перепахать и что ты ещё за это лето осушишь, под луга. А теперь что?

– Земли-то... Земли, да, у нас немало, и земля та хорошая, но тысяча душ людей...! Это... очень много... Это ж надо дома им строить.

– Да, и сарай строить, и скот, кур, коз купить. И землю нарезать на каждый дом для огорода, – говорит Волков.

– А дома построить до зимы, и поля распахать... Лошади, плуги! А кормить...! А кормить их чем всё это время?

– Большой обоз за моим войском едет, на пару месяцев им хватит, если экономить, а уж за пару месяцев ты придумай, где им на зиму еды взять.

– Господи, святые угодники, как же мне всё это сделать?! – Ёган чуть без чувств со стула не сползает.

– Успокойся, Ёган, – говорит Бригитт, – буду тебе помогать, коли господин денег даст, так справимся, с голода никто не помрёт.

Ёган смотрит на неё, как на свяую, едва руки молитвенно не складывает:

– Ах, госпожа, на вас вся надежда, один я не справлюсь. Слыхано ли дело за тысячу душ отвечать. Страшно.

– Денег дам, сколько нужно будет, – говорит кавалер. – А вы найдите племянника моего Бруно и архитектора нашего, пусть прикинут, сколько леса, сколько кирпича нужно им на дома и на сарай будет. Посчитайте всё... Про кузнеца не забудьте, пусть помогает по мере сил, чем сможет.

И у Бригитт, и у Ёгана были вопросы к нему, он по их лицам видел, что вопросов тех много, но прибежала девка и сказала, что к господину пришли святые отцы.

– Зови святых отцов, – говорит Волков. – А с тобой, Ёган, мы после поговорим.

Бригитт и Ёган понимают, что теперь господин занят будет, встают разочарованно. Не будь тут жены, что сидела, неразлучная со своей монахиней, в конце стола, так он бы её руки коснулся, а так просто сказал:

– Госпожа Ланге, коли силы в себе найдёте, помогите нашему управляющему.

– Непременно, – обещает Бригитт, сделав быстрый книксен, – думаю в город поехать, кое-что узнать. Сейчас же прикажу карету запрягать.

Отец Семион и отец Бартоломей, ещё в недавнем прошлом инквизитор брат Николас, картину из себя представляли противоречивую. Любитель вина и женщин, дважды изгонявшийся из прихода, причём один раз самими прихожанами, отец Семион выглядел роскошно. Сутана синего бархата, вызывающе синего, как раз того цвета, что многими святыми отцами порицаем, широкий пояс, серебром расшитый, серебряная цепь с позолоченным распятием, мягкие туфли и золотой перстень с лазуритом. А отец Бартоломей, епископ маленский, как и просил его Волков, одет был в сутану тёмно-коричневую, старую, штопаную, деревянное распятие на верёвке, сандалии такие же, какие носил брат Ипполит. И подпоясан был толстой верёвкой. Так увидев их, человек незнакомый с ними решил бы, что брат Бартоломей – монах нищенствующего ордена, а брат Семион – епископ.

Тем не менее, Волков был доволен, вид епископа был как раз такой, какой и нужен, кавалер, хоть и устал смертельно, всё-таки встал, подошёл и, к удивлению всех присутствующих, поклонился и поцеловал борату Бартоломею руку. Все должны знать, что новый поп – человек высокого статуса:

– Монсеньор, как вы тут? Всего ли было в достатке?

– Всего было даже с избытком, – отвечал епископ, – брат Семион радушный хозяин. Все святые отцы из окружных мест уже были у меня, со всеми я познакомился. Даже отец Марк был, – продолжал брат Бартоломей многозначительно.

– Отец Марк? – Волков не знал, о ком говорит епископ.

– То настоятель храма в Мелендорфе, – пояснил брат Семион. – Духовник его светлости. «Ах вот кто это, поп графа!».

– И как вам показался отец Марк? – спросил Волков у епископа.

– Достойный муж, – коротко отвечал тот.

– Может, он встретил вас без должного уважения?

– Нет-нет, – отвечал отец Бартоломей, – приехал по первому зову, как и другие святые отцы, говорил без заносчивости и спеси.

– Да-да, – поддакивал брат Семион, – говорил со всем почтением.

– Прекрасно. Святые отцы, прошу вас к столу, сейчас уже будет обед... Или поздний завтрак.

– Благодарю вас, сын мой, но совсем недавно мы отобедали. Я пришёл к вам, чтобы узнать, когда мне уже на кафедру города быть пора?

– А сегодня в Мален и поедем, – отвечал Волков беззаботно, – сейчас мои люди с обозом приедут, и сразу поедем в Мален. Понимаете, герцог велел горожанам мне ворота не открывать, так мне их епископ откроет.

– Я? – удивлялся отец Бартоломей. – Смею вам напомнить, что чина я не воинского, я ворота замков взламывать не умею. Не думаю я, что уместно будет начинать дело с противоречия мирскому сеньору.

Волков тут почувствовал, что затея эта совсем не нравится епископу, не хочет поп начинать своё служение в Малене распрей с герцогом.

И Волкова тут пробрало; тихо, чтобы другие не слышали, он сказал попу:

– Друг мой, за ваше назначение на эту кафедру я отдал архиепископу вашему двадцать пудов серебра и целую деревню людей. Целую деревню! Двести душ, мужиков, баб и детей! И просил я на кафедру эту назначить именно вас, так как думал, что вы мне помощью будете. Опорой. Что вы под себя город возьмёте, а не с герцогом в любезности жить станете.

– Хорошо, хорошо, – тут же отвечал епископ так же тихо, – просто я не знаю, как вам те ворота раскрыть.

– Вам ничего и не придётся делать, – заверил его кавалер, – перед вами откроют, а я за вами проеду. Мне нужна поддержка в городе. А герцог – герцог, он далеко, он в Вильбурге.

– Хорошо, так всё и сделаем, – ответил отец Бартоломей.

– Отец Семион с вами поедет, – сказал кавалер, – если желаете, будет вам помощником на первое время.

– То было бы очень хорошо, – обрадовался епископ, – но кто останется на приходе?

– Брат Ипполит, он тут будет через три-четыре дня, – отвечал Волков.

– Да, то хороший святой отец, сведущий и благочинный, несмотря на молодость, – согласился брат Семион.

– Как только придут мои люди, так сразу поедем в Мален. Я за вами пришлю.

Святые отцы откланялись, а Волков сел за стол, так как Мария стала подавать обед.

До ночи отдохнуть ему точно не придётся. Так хоть поесть как следует надо.

Мария ставила на стол бобы в мясной подливке, на бараньем жиру. Расторопная девка уже принесла жареной баранины с чесноком. Вина поставили. Жена вдруг села рядом с ним. Раньше садилась в середину стола. Монахиня там, где и обычно. Четвёртого прибора за столом не было. Госпожу Ланге за столом никто не ждал.

Элеонора Августа стала себе брать еду, брала себе много, и бобов, и кусков баранины, и вина наливала.

– Уж лучше пиво пейте, – заметила монахиня.

– Не к сердцу мне пиво, вина хочу, – отвечала госпожа Эшбахт. – Кислого хочу.

– Так хоть разбавляйте, водой разбавляйте, – настаивала монахиня.

Элеонора Августа послушно разбавила вино водой и, чуть отпив, стала есть. Есть жадно и неприятно. Волков тут подумал, что эта женщина совсем ему не мила. Совсем. Ест ненасытно, как будто отнимут у неё. Уже толста, рыхла, лицо отёчно, а всё равно ест жадно. И даже не поставила тарелку для Бригитт. Нехороша Бригитт, чтобы за одним столом с ней, с чавкающей и обсасывающей бараньи кости, сидеть. Волков, хоть и хотел съесть тоже баранины, но быстро, по-солдатски, съел бобов и начал вставать, вытирая рот полотенцем.

– Куда же вы, господин мой, – переполошилась жена, кладя свою пухлую руку на его руку, – неужто уже поели?

– Уже поел, – он вытянул руку из её жирных пальцев и вытер её полотенцем, – простите, госпожа моя, дела у меня.

– Да что это у вас за дела всё время? – запримечала Элеонора Августа. – Только приехали, скоро опять уезжаете, а с женой, что чадо вам носит, и за столом посидеть не можете?

Стала ещё что-то говорить, да всё с упрёками, со всхлипами, со слезами в голосе. Захотелось наорать на неё, сказать ей, что она глупа и некрасива, прямо в её отёчное лицо, в заплывшие глазки, но он сдержался. Как бы там ни было, она носила его чадо, а пред людьми и Господом была его супругой. А то, что она ненавидела Бригитт, так имела на то право. Имела на то право. И поэтому он лишь наклонился к ней, поцеловал в темя и сказал как можно более ласково:

– Госпожа моя, мне через несколько дней ехать на войну, а до того сделать надобно много всяких дел, вы уж не серчайте на меня.

Сказал и пошёл к дверям, а вслед ему неслось слезливое:

– Как на войну? Опять на войну? Когда же вы уже навоюетесь? Когда угомонитесь?

Глава 3

На дворе уже карета запряжена, Бригитт приделась в хорошее платье. В узкое. Живот выпирает. Садится в карету, Ёган собирается лезть следом за ней.

– Подождите, – останавливает их Волков. – В город вместе поедem, а пока давайте съездим к реке.

– К реке? – удивляется Бригитт.

Они с Ёганом переглядываются. Ну, к реке так к реке. Все садятся в карету. Тут Волков уже может не стесняться, кроме Ёгана, этого никто не увидит, кавалер садится рядом с госпожой Ланге и берёт её за руку. Ёган дипломатично отворачивается и смотрит в окно.

– Господин мой, а куда же мы едем? – спрашивает она.

Он не удерживается, быстро целует её в губы:

– Узнаете.

Ехать до реки недолго, вскоре они подъезжают к амбарам, где у пирсов разгружается баржа.

– Сворачивай налево, – командует генерал, и кучер сворачивает с дороги на берег реки, – да, ездай дальше, дальше. К тому холму.

На холме Волков приказал кучеру остановиться, вылез сам, помог вылезти Бригитт.

– Вам нравится здесь? – он держит её за руку.

Она оглядывается. С холма открывается прекрасный вид на реку.

– Да, – говорит красавица, – тут очень хорошо.

– Вон видите? – он указывает рукой.

– Да, это дом госпожи Рене, вашей сестры, – отвечает она.

– Верно, а вон сыроварня Брюнхвальдов.

– Вижу, да. А зачем вы мне это показываете?

– Как вернётесь из города, найдите нашего архитектора, скажите, что хотите построить дом на этом месте, пусть покажет вам рисунки, выберете, какой вам понравится. Пусть строит тут дом.

– Дом? – её глаза округлились. – Кому? Мне?

– Вам и вашему чаду, – отвечал Волков. – Я давно это место приметил. Архитектору скажите, чтобы в доме всё было: и колодец, и конюшни, и скотный двор, и большие окна от потолка до пола, как у князей, всё должно быть самое лучшее. Мебель самая хорошая, и посуда, и всё остальное, скажите ему... Скажите, что у вас есть двадцать тысяч талеров.

– Спасибо вам, господин мой, – только и говорит она, причём говорит без особой радости, на удивление спокойно. – Но мне можно дом и поскромнее, мне и двух тысяч на дом хватит. А двадцать... Так это дворец будет.

– Что? – он даже растерялся. – Почему вы отказываетесь?

Она молчит.

– Почему вы молчите?

– Слишком большой дом для меня. У меня слуг не хватит его содержать.

– Слуги будут, – говорит он. – Я дам вам пять тысяч десятин земли и десять душ мужиков, из их жён и дочерей себе прислугу наберёте. Хватит у вас слуг.

А Бригитт поднимает на него глаза и говорит твёрдо:

– Коли надумали от меня избавиться, откупиться думаете, так мне таких подарков дорогих не нужно, мне и простой дом будет в радость. К чему траты такие?

– Да не задумал я от вас избавляться, – кавалер был безмерно удивлён. – Я подарок вам сделать хотел, чтобы вы себя в доме моём не чувствовали притеснённой.

– Жена ваша не желает меня видеть, так пристройте мне флигель к своему дому, – так же твёрдо продолжает Бригитт.

– Флигель желаете вместо дома? – удивляется кавалер.

– Желая с вами жить. Подле вас. Чтобы вы в моей постели просыпались. Желая, чтобы чадо моё с детства видело родителя своего, – Бригитт говорит так заносчиво, словно она королева или принцесса крови, которая повелевает своим слугой. – А дом мне постройте, так я вас видеть не буду вовсе. А ребёнок вас не будет знать.

– Нет-нет, я буду при вас, – Волков берёт её руки в свои.

– При мне? – она не верит. – Жить будете со мной?

– Да, буду жить с вами. Я всей душой желаю жить с вами, а с женой я живу только по закону божьему.

Тут красавица стала улыбаться. И улыбалась победно. Гордо выпрямилась, выпятила живот свой и говорит:

– Хорошо, если вы обещаете, что будете со мной жить больше, чем с женой, то дом будет вам соответствовать. Тогда богатый дом тут построим.

«Другая бы руки целовала, а эту ещё нужно уговаривать взять подарок. Спесива госпожа Бригитт Ланге».

– Буду жить с вами больше, чем с женой, – говорит Рыцарь Божий Иероним Фолькоф, генерал фон Эшбахт.

Теперь Бригитт довольна, она ещё раз оглядывает окрестности:

– Да, тут прекрасное место для дома. А вон там, на южном склоне, сад разобью. Хочу, чтобы птицы по утрам пели.

На берегу, возле пристани, он встретил Бруно, племянника своего.

Михель Цеберинг был, как всегда, тут же.

– Как у вас дела, друг мой? – спросил Волков, остановив карету.

– Слава Богу, дядя, – отвечал молодой человек, кланяясь.

– Торговля углём идёт хорошо?

– Спрос на уголь упал на треть, дядя, но с мая месяца хорошо пошёл брус и доска. А в Мелликоне стали брать весь медный лист и весь железный лист, сколько ни дай. Главы гильдий в Малене уже дважды спрашивали меня, собираетесь ли вы дозволить строить склады у нас на берегу. Особенно глава гильдии медников интересовался.

– Перебьются, – коротко ответил кавалер. – А если ещё раз спросят, так скажите, что пока хорошей дороги от Малена до амбаров нет, так и смысла нет в складах. А медью и железом так сами торгуйте. Пусть Гевельдас, как освободятся баржи..., – тут кавалер на мгновение задумался: какие ещё баржи в Мелликоне, там через четыре дня он воевать будет, – лучше к осени... пусть начнёт возить туда медь и железо.

– Дядя, мы так и думали, но потом поняли, что купчишки в Мелликоне наши товары продают другим купцам, тем, что из Хоккенхайма и Нижних земель приплывают. Вот если бы нам в мелликонских торговых рядах место получить... Вот где деньги настоящие. Покупать у маленских мастеров, а продавать в Мелликоне. Вот где золото. Но разве разрешение на торговлю там получишь? Гевельдас говорит, что и пробовать смысла нет. Не пускают купчишки местные иных.

Много всего надо было сказать племяннику, многое надо было спросить, но вот времени у него не было. Как раз к пристани стала поворачивать баржа, на носу которой стоял Максимилиан, в которой были его телеги и его выезд.

Дел у него было много, а вот времени не было совсем. Не дожидаясь, пока баржа разгрузится, лишь узнав у Максимилиана, что всё в порядке, он сказал прапорщику, что гвардейцы и выезд ему сейчас понадобятся, чтобы ехать в Мален, но когда они вернутся, чтобы лошадей

ставили в конюшни старого дома и телеги там же рядом; но лишь произнеся это, тут же поспешил домой.

А причиной того стало то, что Бригитт сказала между прочим, что Сыч привёз в Эшбахт человека и держит его в железках, и как раз в конюшне старого дома. И говорит, что это и есть убийца кавалера фон Клаузевица.

Волков рот открыл от удивления. Как он мог про это забыть? И сразу приказал кучеру гнать домой.

Сыч уже прознал, что господин вернулся. Он и его товарищ Ёж сидели на завалинке у старого дома; как только карета Бригитт остановилась, так он кинулся к ней, дверцу открывать, помогать господину выйти.

– Обед только-только, а от тебя уже винищем несёт, – говорил Волков, выходя из кареты.

– И я рад вас видеть, экселенц, – улыбался Фриц Ламме, дыры вместо зубов, память о тюрьме в кантоне, сам шепелявит заметно, но всё равно весел, – а винище это вчерашнее... Посидели малость с ребятами в кабаке нашем.

– Ну, показывай, хвались, – сказал кавалер и пошёл к конюшне. А сам замечает, что платье у Сыча совсем уже и не грязное.

– Ёж, Ёж, – кричал Сыч, идя впереди него, – лампу господину неси. Темно там. Ох, экселенц, взять этого подлеца было непросто, – хвастался он. – Сейчас покажу вам его. Ребята из солдат, что вы мне дали... Они, конечно, крепкие, но только руками. Головой вовсе не крепки. Дуболомы. Но, скрывать не буду, помогли, помогли...

Ворота конюшни на замке; отворили – темень, резкий запах нужника, тишина, и только железо едва слышно звякнуло.

Ёж уже бежит с зажжённой лампой. Сыч взял лампу и пошёл в темноту, к дальней стене конюшни. Господин за ним. Там он и был. Человек сидел у стены, заросший, чёрный, в сгнившей уже одежде. Ноги в железе, руки в железе. Цепь от него вбита в стену.

– Кузнецу надо будет заплатить, – сказал Сыч, – я ему обещал, что как приедете, так расплатитесь. Он сказал, что подождёт.

Кавалер присел рядом, хотел заглянуть пленнику в лицо. Ламме поднёс лампу поближе, но человек, сидевший у стены, головы не поднял.

– Экселенц, вы так близко к нему не наклоняйтесь, он во вшах весь, – говорит Ламме и башмаком толкает человека в лоб. – А ну, сволочь, рыло-то покажи господину.

Пленник послушно поднимает лицо. Глаза от света в сторону отводит, щурится. Он грязен, худ, по одежде и вправду вши ползают, зарос щетиной до глаз.

Здоровье у кавалера было, конечно, уже не то, что в молодости, но глаза, глаза были верны так же, как и в двадцать лет. И память его хорошо хранила увиденное. Волков узнаёт его и через грязь, и через щетину.

– А вот и ты, – с удовлетворением произносит кавалер. – Думал, не найду тебя?

Бригант молчит. Снова опускает голову.

– Это ты добил кавалера фон Клаузевица после того, как в него попал арбалетный болт, – продолжает Волков. – Конечно, он и так умер бы, с болтом в голове люди не живут, но твой удар его и прикончил.

Пленник молчит.

– Чего молчишь? – снова пинает пленника Сыч. – Говори, ты убил рыцаря?

– Нет, о том мне говорить не нужно, то я и сам знаю, – произносит кавалер. – Мне другое нужно знать... Ведь ты знаешь, что мне от тебя нужно...

– Вши..., – тихо говорит разбойник.

– Что? – не расслышал Волков.

– Вши зажрали вконец, – продолжает мужик всё так же негромко. – Ни днём, ни ночью покоя от них нет. Спать не сплю...

– Помоешься, одежду новую получишь, пиво и мясо жареное, – обещает кавалер. – Говори, кто нанял.

– Имени его я не знаю, – сразу отвечает пленник, он, звеня цепями, даже поудобнее уселся. – Но человек из благородных. При деньгах. Не торговался.

– Как выглядел? Герб какой видел? Слуги в каких цветах были? Говор какой?

– Нет, – наёмник качал головой, – ничего такого не видел. Пришёл в трактир «Повешенный кот» богатый господин, искал ловких людей, трактирщик указал на меня.

– Как он выглядел?

– Как богач. Перчатки, бархат.

– Лет сколько, волосы, борода?

– Стар он был, лет пятидесяти или больше. Седой.

– Седой? – кавалер сразу помрачнел. Он уже догадывался, о ком говорит бригагант.

– Да, вся голова серая. Невысокий такой.

– Усы и борода седые были?

– Да, он весь в щетине недельной был, вся морда у него была серой.

– Фон Эдель, – тихо произнёс Волков, скорее самому себе, чем кому бы то ни было.

Но Сыч его услышал:

– Он, псина. Я тоже на него сразу подумал. Чёртов прихвостень графа. Я про него спрашивал, и купчишка один говорил вчера в кабаке, что эта сволочь сейчас живёт в Малене у одной бабёнки, вдовы купеческой. Зовут её вдова Габен. Лавка у неё в квартале ткачей. Торгует льном, тесьмой и всякими другим тряпками.

– Отлично, – так же тихо и весьма зловеще продолжал Волков. – Как раз то, что и нужно. Молодец, Фриц Ламме, ты и все, кто был с тобой на этом деле, получите награду.

«О, если бригагант опознает фон Эделя при свидетелях, это будет очень, очень хорошее дело. Отличный козырь против бесчестного графа, который не хочет возвращать обещанного поместья Брунхильде фон Мален и готов даже нанимать убийц через своих подручных».

Да, это была удача. Оставалось только найти фон Эделя и опознать его.

– Поедешь в Мален, – сказал кавалер разбойнику. – Опознаешь нанимателя.

– Обещаете не убивать? – с надеждой спросил тот, поднимая на рыцаря глаза.

– Обещаю не снимать с тебя с живого кожу, – отвечал ему рыцарь, поднимаясь с корточек и разминая колено. – Сыч, помойте его, возьми мыла, одежду ему найди новую, покорми мясом, дай пива, цепей не снимай, возьми телегу и вези его в Мален, к этой самой вдове.

Фриц Ламме кинулся за ним:

– Экселенц, вы награду обещали. А сколько дадите?

– Двадцать талеров, – сразу ответил Волков. – Но это на всех. И подели по-честному.

– По-честному? – удивился Сыч. – По-честному это как?

– По-честному, мерзавец, это значит по-честному, – сурово говорит Волков. – Всем людям, кто ездил с тобой, дашь поровну.

– А что же мне останется, экселенц? – возмутился Сыч, делая при том жалостливое лицо и забегая вперёд господина.

Конечно, мерзавец, был жаден, как и всегда. Привык Фриц Ламме к хорошей жизни, к той жизни, при которой серебро звенит в кошельке всегда, привык из кабака выползть под утро, привык быть начальником и заводилой в попойках. Обнаглел. Но, как ни крути, полезен он был всегда, и предан тоже.

– Ладно, тебе лично дам десять монет. Но не смей пить сегодня, – Волков показал ему кулак. – Даже чтобы не думал.

– Экселенц, да не в жисть, – клялся Сыч. – Разве ж я не понимаю, что сегодня в городе фон Эделя ловить будем? То дело важное.

– Всё, иди мой и корми разбойника, скоро поедem в Мален. Сейчас только попов найду, и будем собираться.

Но перед этим он зашёл в трактир. Трактир битком забит. И это с утра. Купцы кушали. Трактирщик, как его увидал, так кинулся к нему:

– Господин, ах, какая радость! Приехали! Чем же услужить вам?

– Вижу, хорошо у тебя дела идут, – сказал Волков, осматриваясь.

– Сказал бы, что плохо, так Бога погневил бы. Его милостью и вашей живу, – трактирщик поклонился.

– Постоялица твоя где?

– Не извольте сомневаться, в лучших покоях проживает, сам каждый день хожу к ней, спрашиваю, не надобно ли чего.

– Денег с неё не бери.

– Ни крейцера, ни пфеннига, – заверил трактирщик.

Волков пошёл наверх, сделав ему знак остаться. Уже там встретил зарёванную Уту, та несла таз с рубашками госпожи. Она сделала перед ним книксен, Волков взглянул на служанку:

– Что, не в духе госпожа?

– Какой день уже не в духе, – отвечала Ута и тут же, испугавшись своих слов, убежала вниз, большая и грузная.

Кавалер без стука толкнул дверь. Агнес сидела на кровати, на коленях одна книга, рядом другая. Обе открыты. На ней была лишь лёгкая и прозрачная нижняя рубашка, волосы не убраны. И сама на себя не очень похожа. Красива слишком. Девица тут же вскочила с кровати, подошла, поцеловала руку:

– Простите, дядя, что так вас принимаю.

Он сел на стул:

– Сейчас уезжаю по делу нашему. Кое-что мне знать надобно.

– Узнаю, скажите, что и про кого вы знать хотите?

– Мне за моим шаром сходить или ты в свой заглянешь?

– Ну, раз вы про моё стекло догадались, к чему тогда за вашим ходить, – отвечала девушка.

Она подошла к двери, заперла её на засов. Потом подошла к сундуку, на груди у неё ключ был на верёвке. Им его и отперла. Достала из мешочка свой светлый шар. По ходу к кровати скинула с себя последнюю одежду, вовсе его не стесняясь. Уселась на кровать, волосы прибирая на затылок. Красивая.

– Ну, дядя, что знать желаете?

Все его люди: и новый епископ с отцом Семионом, и выезд во главе с прапорщиком Максимилианом, гвардейцы, Сыч с Ежом и пленником, а также госпожа Ланге с управляющим Ёганом – поехали в город. Хоть дни сейчас были самые длинные в году, а городские ворота закрывались на вечерней заре, он всё равно велел ехать побыстрее. Боялся не успеть. А ждать утра у него времени не было.

Времени, вот чего ему теперь не хватало. Дела не кончались, а время убегало, словно вода сквозь пальцы. Вот-вот, через пару дней, полковник Брюнхвальд пошлёт к нему гонца о том, что стал лагерем у Эвельрата и ждёт приказа двигаться дальше. Скоро, может уже завтра, кавалеристы фон Редернауфа появятся на границе его владений, а через день и ландскнехты Кленка будут тут. В общем, тысячи и тысячи людей, готовых драться, через пару дней будут ждать его приказа. И нельзя заставлять их ждать. Нет ничего хуже, чем томить солдат ожиданием перед тяжёлым делом. И даже не потому, что это всякий день стоит безумных денег

на содержание, но и потому, что дух солдат начинает падать. Дух падать, а ещё... Ещё они и разбегаться начнут, так что никакими виселицами их не удержишь. Ведь чем ближе дело, тем сильнее страх. Горцев воевать дело-то нешуточное. В общем, времени у него не было ни дня, ни часа лишнего. Оттого, наверное, он уже забыл, когда выспался. В седле стал засыпать, прямо на ходу. Даже нога болевшая не бодрила. Не хватало ещё, на радость графу и горцам, упасть с лошади да сломать себе шею. Встрепенувшись после очередной накотившей дрёмы, он всё-таки слез с коня и сел в карету к Бригитт. С ней рядом. Только лишь сел, только лишь за руку взял её, так и уснул сразу, даже не заметил, что, к радости красавицы, упала его голова к ней на колени, а она, довольная таким событием, гладила его волосы и улыбалась. И даже по нужде не ходила всю дорогу, хотя и надобность такая была.

У поворота, за милю от города, Максимилиан всех остановил, к радости госпожи Ланге разбудил его:

– Господин генерал, Мален.

От дневного сна злой, он вылез из кареты. Осмотрел людей, пошёл и каждому говорил, что тому надобно делать. Гвардейцам:

– От пыли отряхнитесь. Выглядеть красиво всем.

Максимилиану:

– Прапорщик, разверните моё знамя. Поедете сразу за мной.

Оруженосцу:

– Фейлинг, коня мне. И господа пусть приведут себя в порядок.

Епископу и брату Семиону, он с ними всё ещё в Эшбахте обговорил:

– Святые отцы, вы знаете, что делать, отсюда до города идите пешими.

Сам сел на коня, Бригитт уже вернулась к карете, Ёган помог ей сесть туда.

Святые отцы вышли вперёд и пошли по дороге, как и просил Волков.

А уже он двинулся за ними. А за ним Максимилиан с его штандартом.

После все остальные.

Не преодолели они и половину пути, как пара стражников вышла из городских ворот, загнала в город торговцев, что стояли у входа, и стали толкать тяжёлые створки. Волков знал, что так будет, горожане не осмелятся противиться пожеланию герцога.

И когда он подъехал к воротам, те были заперты, хотя мост и не поднят. А на приворотной башне уже собралось несколько стражников, и старший из них, видимо сержант, прокричал:

– Извините, господин, но бургомистр распорядился вас не пускать. Наш капитан велел закрывать перед вами ворота.

– Так ты, подлец, знаешь, кого не пускаешь? – выехал вперёд Максимилиан. – То сам кавалер Фолькоф, генерал архиепископа Ланна и полковник императора, меч Господа, опора Святого престола, паладин, гроза горцев и победитель мужиков, и что же, ты непустишь его, негодяй?

– Уж простите меня, господин генерал, но ворота перед вами я раскрыть не могу. Герцог не велел перед вами открывать ворота.

– А перед епископом новым велел герцог тебе запирать ворота? – крикнул отец Семион.

Теперь сержант стражи молчал, смотрел вниз, но ничего ни сказать, ни сделать не решался. Боязно было человеку, с одной стороны, герцог, бургомистр и капитан городской стражи запретили ворота отпирать, а с другой стороны, там великий воин под своим знаменем со своими опасными людьми, да ещё епископ, попробуй не отопри. Тут бы всякий призадумался.

– Что же ты молчишь, добрый человек? – кричит ему брат Семион. – Неужто ты Его Преосвященство, епископа города и графства Мален, ко престолу его непустишь?

– Не знаю я, что делать! – кричит в ответ стражник. – Не велено господина фон Эшбахта пускать...

– Так ты его и не пускай, ты только епископапусти...

– Так тогда и Эшбахтпроскочит. Я лучше сейчас за ротмистром пошлю. Пусть он разбирается.

– А ну стой! – первый раз рявкнул сам епископ. Рявкнул звонко и грозно, такой голос как раз хорош будет проповеди читать, в самых дальних уголках церкви его все расслышат. – Стой, нечестивец! Велю тебе сначала ворота мне открыть, а уже потом бегать за своими начальниками. А не откроешь, так отлучу тебя и жену твою на год от церкви за неуважение к сану святому, отлучу под тяжкую епитимью. Уж жена твоя тебе благодарна за то не будет. Отворяй мне двери, безбожник, немедля, а уже потом бегай за своими начальниками.

Смотрит сержант на епископа, и кисло ему на душе, епископ одет просто, как самый бедный монах. Сразу видно: истый в вере человек. С таким не шути, он сам к себе строг и других не помилует.

И решается наконец сержант стражи, будь что будет, но такого попа лучше не злить:

– Простите, монсеньор, сейчас отопру.

Когда мимо сержанта проехал господин фон Эшбахт, сержант тяжело вздохнул, думая о будущих своих неприятностях. А сержанту, склоняясь с коня, один молодой господин и сказал:

– Не бойся, сержант, генерал за тебя похлопочет.

Глава 4

Как только въехали в город, кавалер говорит Сычу:

– Езжай найди дом этой вдовы... Как её там...

– Габен, – напомнил Сыч.

– Да. Узнай, там ли фон Эдель, если там, то подумай, как нам в дом попасть, не ломая дверей.

– Всё сделаю, экселенц. Ёж, эй, Ёж, пошли, лопухий, дело есть.

Как только они уехали, так и Курт Фейлинг попросился домой, хотя бы до утра. Волков его отпустил и поехал к родственнику купцу Кёршнеру. Ну а куда ещё?

И как только генерал въехал в его двор, сам Дитмар Кёршнер и его жена Клара вышли во двор его встречать. Двор купца был большой, дом большой, конюшни большие. Куда ещё мог податься кавалер со всеми своими людьми?

– Друг мой, дорогой родственник, уж не взывайте, что в столь поздний час я беспокою вас так неожиданно, – говорил кавалер, обнимая толстые плечи купца, а потом и кланяясь низко хозяйке. – И вас, сударыня, прошу простить, но новому епископу ещё нет постоя, первый день он приехал в город, – он повернулся к отцу Бартоломею. – Монсеньор, дозволейте вам представить моих родственников.

Госпожа Клара с поклонами подошла к монаху, да и сам Кёршнер поторопился целовать руку ему. Волков видел, что и купец, и его жена сильно взволнованы. Да и монах тоже порозовел щеками. Простой монах-инквизитор ещё не привык к своему новому сану, ещё удивлялся он, что так ему радуются хозяева большого дворца.

– Его Преосвященству негде пока жить, дворец бывшего епископа был его фамильной собственностью, а в приходе при кафедрале покои ещё не подготовлены. Не обременит ли монсеньор вас, дорогие мои родственники, своим присутствием, пока покои для него не будут готовы? – просил Волков, прекрасно понимая, что епископа и его самого в этом доме примут как самых желанных гостей. Для Кёршнеров всё ещё было большой честью принимать славного рыцаря, пусть даже и опального, и главного священнослужителя целого графства. И Волков продолжал: – Монсеньор епископ весьма скромнен в своих желаниях и прост в жизни, он не обременит вас, дорогие родственники.

– Что вы?! Что вы говорите, дорогой вы наш родственник? – воскликнула Клара Кёршнер. – Для нас то честь великая, чтобы монсеньор епископ жил под нашей крышей. И мы будем просить, чтобы Его Преосвященство был у нас как можно дольше.

– Да-да-да, – поддакивал её муж.

С этим делом было улажено, теперь нужно было познакомить городских нобилей с новым епископом. Волков берёт под локоть хозяина дома и отводит в сторону:

– Друг мой, у меня есть задолженность перед важными жителями города, брал я у них деньги, золото. Теперь я уже в займах не нуждаюсь...

– Да, дорогой родственник, ходили слухи, что вы хорошо поправили свои дела на последней войне, – произнёс Кёршнер.

– Под нашим небом нет тайн, что возможно долго скрывать, – усмехался кавалер, – да, признаться, дела мои денежные несколько улучшились. И я думаю раздать все долги. Поэтому и хотел просить у вас разрешения пригласить моих кредиторов сюда к вам, понимаю, что доставлю вам неудобства, всё-таки уже почти ночь, но времени у меня нет, завтра на заре мне нужно будет уехать.

– Конечно, друг мой, конечно. Я велю готовить ужин. Поздний ужин – это так волнующе, – воскликнул купец. – Клара, дорогая моя, у нас сегодня будут ещё гости.

– Это прекрасно! А сколько персон ждать? – спросила госпожа Кёршнер.

– А вот у меня список моих кредиторов, – Волков протянул бумагу купцу, – друг мой, не могли бы вы разослать людей, чтобы пригласить их всех от моего имени к вам.

– Конечно-конечно, – отвечал Кёршнер, – сейчас же распорядюсь.

Поднялась кутерьма, какая обычно случается в большом доме, когда туда пожаловали гости. И особенно Волкову понравилось то, что госпожа Кёршнер взяла госпожу Ланге под руку и, улыбаясь ей, как лучшей подруге, повела её в дом, при том говоря:

– Для вас, госпожа, я найду лучшие покои в доме. Епископ – монах, господин рыцарь – солдат, они будут всяким рады, а для вас найду самые удобные комнаты с самой удобной кроватью.

Волков и господа из выезда были приглашены на вино в обеденную залу. Хозяин был радушен и, успевая раздавать слугам и поварам распоряжения, сам же расспрашивал кавалера, как он воевал с мужиками. За окном уже стемнело, Волков, выпивая вина, рассказывал, как шла война, а тут и первые гости пожаловали. Пришёл слуга и шепнул купцу такое, отчего тот удивился и говорит:

– Господин Фейлинг пришёл, спрашивает, приму ли я его в столь поздний час.

– Ему сын его Курт, что служит у меня, наверное, сказал, что я в городе. Если вам не в тягость, примите его.

– Конечно мне не в тягость, – сразу отозвался Кёршнер. – Фейлинги фамилия почтенная, – и он распорядился: – Зови.

Слуга поклонился, и через пару минут господин Фейлинг уже был за столом со всеми.

– Ах, какая радость видеть вас, господин генерал, разрешите поздравить вас с новым чином, – говорил господин Фейлинг, поднимая стакан с вином. – Сын рассказывал, что сие звание вам присвоили ваши же солдаты после разгрома мужиков, а господин архиепископ на то звание после вам патент выдал.

– Да, солдаты были добры ко мне, а курфюрст милостив, – скромно произнёс генерал.

Тут за стол пришли и дамы, и все снова стали пить вино и просить его рассказать про войну, но опять говорил он недолго, так как его стали отвлекать те господа, которым он был должен денег, которые приходили один за другим. Кавалер то и дело вставал, чтобы свериться с векселем и выплатить нужное количество золота и даже немного сверх того кредитору, кредиторы были счастливы и благодарили его, после чего радушный господин Кёршнер усаживал пришедших за стол и потчевал. Осталось всего два человека, которым он должен был денег в Малене. Волков думал их дожидаться, но тут в зал быстрым шагом вошёл Фриц Ламме. Он без всяких церемоний прошёл к столу, наклонился к Волкову и прошептал ему в ухо:

– Пёс графа у вдовы, можно взять его прямо сейчас. До рассвета ждать будем?

– До рассвета мы уедем, бери бриганта и поехали, – отвечал кавалер так же тихо, а после, вставая, добавил: – Простите, господа, но у меня есть важное дело, через час или два я вернусь.

– О добрый господин, – воскликнула Клара Кёршнер, – какие же дела могут быть сейчас, полночь скоро.

– Ах, госпожа Клара, нашего господина ни ночь, ни дождь, ни буря не остановят, когда он свершает свои дела, – произнесла госпожа Ланге со смирением и вздохом.

– Мы скоро вернёмся, – обещал он и, проходя мимо, коснулся её руки. Молодые господа из выезда поднимались из-за стола и шли вслед за господином.

Ночь была светлой, испуганные горожане просыпались от шума множества конских подков по мостовой. С чего бы столько верховых ночью тут ездят? Самые любопытные зажигали лампы, выглядывали в окна в надежде что-то разглядеть. Волков не стал брать всех своих людей, только выезд и четверых стрелков с сержантом Франком. Да ещё Сыч на верёвке тащил разбойника, который шёл пешком и всех задерживал.

Вскоре они всё-таки добрались до места. Ёж, достав из-под куртки потайной воровской фонарь, издали им посветил. Господа стали спешиваться, чтобы дальше идти пешком, не поднимая шума. Сыч, перепоручив пленника одному из гвардейцев, сам шёл впереди Волкова и, подойдя к Ежу, сказал:

– Ну, придумал, что сказать вдове, чтобы она отперла дверь?

– Да на кой... Я уже сам открыл её, как говорится, дверь-то крепка, да в ней щель велика. Я ножом засов отковырял в сторону.

– Молодец, сволочь. Ловок! – похвалил товарища Фриц Ламме.

Дружки тихо засмеялись, а Волков в который раз усомнился, что Ёж из судейских. Из воров его Сыч взял, точно из воров.

Дверь с лёгким скрипом отворилась, и Ёж, подсвечивая себе фонарём, первый вошёл в дом, остановился, а остановившись, огляделся, осветил товары на столах, которыми торговала вдова. Рукой даже погладил штучку полотна – хорошо ли. Точно не впервой он входил в чужой дом, да ещё и в темноте. Головой вертел, словно принюхивался. И лишь постояв так, пошёл дальше, на лестницу. Там без спеха, но легко, ставя ноги на самые края ступеней, чтобы не скрипнули, начал подниматься вверх. К покоям.

За ним поднимались Фриц Ламме и Волков. А после и все остальные шли, шли осторожно, стараясь не топтать и не задевать мебель мечами.

Ёж остановился у двери в конце и обернулся, потом приложил ухо к двери, стал прислушиваться.

Конечно, господа так ходить, как он ходил, не умели, и старые ступени то под одной тяжкой ногой, то под другой немилосердно и протяжно скрипели. И в тихом доме, в ночной час, ясное дело, такой звук хозяйку разбудил и всполошил.

– Кто там? – взвизгнула за дверью женщина.

Потом тихий говор, шум какой-то, и крик повторился:

– Кто там?

И тут же под дверь проскользнул неровный свет свечи. Что-то загремело, дверь распахнулась, оттолкнув Ежа, и...

– А! Воры! – заорал свирепый и почти обнажённый муж, и в тусклом свете свечи белым мелькнул меч. – Ах вы ублюдки, порублю всех! И стражу звать не буду...

– Железо у него! – заорал Ёж и ударил по двери, навалился на неё.

Свеча тут же упала, потухла, а человек сразу стал орать и тыкать мечом в темноту.

– Помогайте! – кричал Ёж, прижимая человека дверью.

– Воры! Собаки! – кричал в ярости муж.

– Помогите, помогите, грабят! – горланила в покоях женщина, срываясь на визг. Тут же тише, переводя дух: – Господи, спаси! – и снова с визгом: – Помогите, стража!

– Дьявол! – Волков, чуть не налетев на клинок мужчины лицом, поднялся наверх, к Ежу, чудом в полумраке нашёл руку, что сжимала оружие, и с силой вырвал, вернее выломал его из пальцев человека. – Дай сюда!

– Ах ты мерзавец! А ну не смей! – рычал тот в ответ.

– Помогите! – орала женщина.

– Свет, дайте мне свет. – говорил кавалер, скидывая оружие с лестницы вниз.

Тут же он схватил человека за горло и, приоткрыв дверь, втолкнул его в покои. Кинул на кровать, после чего женщина наконец заткнулась и престала орать.

В комнате появился Ёж со своей лампой, да и Сыч уже поднял с пола свечу, разжёл её. И подошёл к кровати, на которой в простыне прятались голая, всхлипывающая женщина и почти голый мужчина. Сыч поднёс свечу к ним поближе:

– Он, экселенц?

Волков подошёл, присмотрелся. Седая голова, хотя сам ещё телом крепок. Белая борода франта. Глаза хитрые. Да, это был фон Эдель, доверенное лицо графа Малена. Он держался за кисть руки, видно, Волков неслабо ему помял её, когда выворачивал из неё оружие.

И тот, конечно, тоже узнал кавалера, стал ему улыбаться весьма злорадно и задиристо говорить:

– А, Эшбахт, чёртов грабитель, вы теперь уже не только купчишек грабите на реке, вы уже и за горожан принялись!

– Что вы мелете, негодяй! Я не граблю вдов и бюргеров.

– Да уж, не зря вас зовут раубриттером, – словно не слышал его фон Эдель, глядя Волкову в глаза.

Странно, но его слова, впрочем, имеющие под собой основания, но кавалера задели.

– Замолчите, мерзавец, кто бы то говорил! – он с таким видом подошёл к кровати, так страшны были его сжатые кулаки и мрачно лицо, что женщина стала подвывать и тянуть к своему рту простыню. – Мне вашу хулу слушать недосуг, я воин и брал то, что мне по праву меча полагалось, и при том ни имени, ни лица не прятал, а вы подлый убийца, трус, бьющий из темноты, исподтишка и чужой рукой.

– Что вы несёте, глупец? Кого ещё я убил? – с вызовом отвечал фон Эдель. – Ну, скажите, кого?

– Пытались убить меня, а убили честного и благородного человека, кавалера фон Клаузевица.

– Чушь! Глупость! Вы глупец, Эшбахт! – начал смеяться фон Эдель. – Я к тому делу не имею никакого отношения. Никакого! А если вы пришли меня убить, так не ищите себе оправданий, делайте ваше дело, но видит Бог, я не виноват в смерти фон Клаузевица.

– Убить вас? Чёрта с два я дам вам так просто умереть. Вас ждёт суд.

– Что за вздор! Вы мне не судья! Много вам чести будет судить меня! – выкрикнул фон Эдель.

– Конечно не судья, вас будут судить судом чести дворяне графства!

– Да? – мерзавец стал смеяться. – У вас, что, есть свидетель моего преступления?

Волков повернулся к Сычу и сделал ему знак. Сыч кивнул и вышел на пару мгновений из комнаты, и тут же вернулся, таща за собой на верёвке бригаанта.

Тот, придя на свет из темноты, немного щурился. Озирался по сторонам.

– Сюда смотри, сволочь, – Фриц Ламме подтащил его к кровати. – Видишь этого господина?

Разбойник уставился на ухмыляющегося фон Эделя. Тот в ответ смотрел на него, так и говоря: ну, давай уже заканчивать этот балаган.

А Волков вдруг почувствовал, что всё идёт не так, как надо. Он ещё глаз бригаанта не видал, смотрел на того сбоку, но уже видел – что-то не так.

– Ну, чего молчишь, подлец? – Сыч дал затрещину бригаанту. – Что вылупился, словно в первый раз видишь? Этот человек тебе платил?

Но разбойник Сычу не ответил, он повернулся к кавалеру и только помотал головой: нет, не этот.

– Я говорил вам, Эшбахт, что вы дурак? – радостно воскликнул фон Эдель и засмеялся. – Что вы там насчёт суда болтали?

Волков быстро подошёл к бригаанту, пальцами своими железными схватил того за шею, да так, что тот от боли оскалился и завыл, нагнул его ближе к приспешнику графа, к самому лицу того, и, сжимая свою хватку ещё сильнее, прошипел:

– Внимательнее смотри, сволочь! Внимательнее! Ну?! Он давал тебе деньги?

– Нет, господин. Не он, – кряхтел от боли бригаант.

– Ты же говорил, благородный, седой, – шипел от злости Волков. – Говорил, что с бородой.

– Я говорил, что тот был в щетине.

Наконец кавалер отпустил шею разбойника.

– А каков был тот?

– Волосы того были седые, но до плеч. А у этого короткие, – вертя головой и разминая шею, отвечал разбойник.

– Седые до плеч? – переспросил генерал.

– Да, и сам он был старше этого господина.

Волков схватил его за руку, потащил из покоев на тёмную лестницу, спрашивая на ходу:

– Старее? А ещё что у него было особенного?

– Голос, – отвечал бригадир.

– Голос? И какой у него был голос?

– Чуть отдавал карканьем ворона. Знаете, из горла его на букве «р» вырывается звук, как ворон каркает.

– Карканьем ворона, – повторил кавалер. – Карканьем ворона.

Кажется, он знал человека с седыми волосами до плеч, который говорил именно так.

– Эй, Эшбахт, так когда у меня будет суд? – кричал ему из покоев фон Эдель. И смеялся, мерзавец.

И это он делал явно зря, так как кавалер, отпихнув кого-то, кто стоял у двери, влетел в комнату, подбежал к кровати и наотмашь, со всей тяжестью своей нелёгкой руки, вlepил насмешнику оплеуху. Так тяжела была та оплеуха, что фон Эдель слетел с кровати. Лежал, схватившись за щеку, и негромко сыпал ругательствами в адрес обидчика. А генерал ему и говорит:

– Коли обиделись, дражайший фон Эдель, так шлите мне вызов. Приму его обязательно. Но оружие выберу сам. И никаких чемпионов. Только вы и я.

Глава 5

Верное дело было и вдруг сорвалось. Если бы не усталость, может, злился бы. А так он только ехал молча по ночному городу и обдумывал слова бригаанта: седой, волосы до плеч, каркает, как ворон. Волков знал, кто это. Может, причина у этого человека, что организовал нападение, и не была очевидна, но она была.

«Да, жаль, что фон Эдель и граф тут не при чём, как хорошо было бы устроить над фон Эделем дворянский суд и чтобы на суде он признался в том, что на нападение дал добро сам граф. Нет, ничего такого не выйдет. Жаль. Жаль. Жаль».

Ну а с каркающего господина кавалер ещё спросит. Но это уже будет в том случае, если ему удастся вернуться из кантона живым.

А с графом... С графом пусть всё решит Агнес. И решать с ним придётся немедля. Нельзя начинать войну, имея в тылу у себя такого недруга.

Он въехал на двор дома Кёршнера, а там столпотворение. Ещё издали он видел, что все окна во дворце горят огнями. Но не думал, что будет так многолюдно. Слуги, кони, возки, кареты. Весь двор полон. И это ночью! Слыханное ли дело? Он с молодыми господами поднимается в обеденную залу. А там духота от десятков людей и десятков свечей. Окна настежь, но это не спасает, ветра в ночном воздухе нет. Ночь тёплая.

И ему навстречу бежит хозяин дома, толстяк обливается потом, но он возбуждённый и радостный:

– Первый судья Мюнфельд приехал. И бывший бургомистр Виллегунд тоже, и глава Первой гильдии купцов Роллен. И ещё другие господа, что первые в своих цехах и коммунах.

Кёршнер так и светится, ему, человеку, родившемуся за пределами города, несмотря на большое богатство, никак не удавалось ранее всех этих городских господ видеть своими гостями из-за их высокомерия, а тут вон как... Кланяются, просят принять. Хозяин млел от счастья и приказывал слугам тащить из кладовых на стол всё самое лучшее.

– Все хотят с новым епископом познакомиться, – догадался Волков.

– Может и так, может и так, – говорил купец загадочно, – но сдаётся мне, что люди просто раздражены повелением герцога не пускать вас в город, считая такое повеление монаршим сумасбродством, а многие думают заполучить земельку возле ваших пристаней под свои склады. Вот и пришли к вам.

– К нам, друг мой, к нам, – поправил его Волков, тем самым потешив своему родственнику самолюбие.

Купец расцвёл. Заулыбался и ещё пуще краснел, чем раньше. Но при этом говорил вещи правильные:

– Значит, к нам. Как вам будет угодно, дорогой родственник. Граф придёт в ярость, когда узнает об этой нашей ночной трапезе. И всех, кто тут был нынче, запишет в вашу партию. В ваши друзья. А нам друзья в городе нужны.

– Думаете, дорогой родственник, что тут собирается моя партия? – спросил кавалер.

– Герцог – герцогом, граф – графом, но когда горцы или еретики стояли под стенами города, так ни герцога, ни графа рядом не оказывалось, – говорит купец, вдруг перестав улыбаться и цвести, и со всей серьёзностью продолжает, – город отбивался сам, как умел, и все горожане, вплоть до последнего бедняка, понимают, что городу нужен свой генерал. А другого полководца, вам подобного, такого же славного и удачливого, на пятьсот миль в округе нет.

«Купчишка-то не так прост, как кажется. Хотя к лести слаб. Но не дурак, главное понимает. Хорошо, что он со мной».

А из-за стола вставали важные господа, шли к нему, чтобы лично выразить генералу восхищение его победой. И Волков был с этими господами любезен. Отвечал на их поклоны,

говорил слова благодарности в ответ на их слова восхищения, и судье, и другим господам, а бывшему бургомистру Виллегунду он выразил сожаление, что из-за несправедливых желаний высших лиц он досрочно был вынужден покинуть свой пост, и обещал, в присутствии других господ, что и епископ, и он лично будут поддерживать его, если он соизволит баллотироваться на должность бургомистра вновь. И господа, что слышали эту его речь, в том числе и глава Первой купеческой гильдии Роллен, обещали всячески этому содействовать. Виллегунд был так счастлив, что даже прослезился.

«Да, кажется, теперь у меня и вправду есть своя партия в городе».

Потом все сели за столы, слуги носили к столу уже поспевшие к тому времени блюда и несли из погребов старые вина. Господа стали выпивать, то за генерала, то за нового епископа, который от такого внимания краснел и смущался.

А за полчаса до рассвета кавалер вдруг встал и просил у всех собравшихся прощения. После людям своим велел собираться в дорогу, так как времени у него не было, а дела были. Господа просили его остаться, даже дамы просили, но он вежливо отказывал им всем, ссылаясь на важное дело. Лишь госпожа Ланге не просила.

Она подошла и спросила:

– Можно ли мне ехать с вами, господин мой?

– Нет-нет, госпожа моя, – отвечал он, целуя ей руку при всех собравшихся, – но карету я вашу возьму, мне надо хоть немного поспать в дороге. Другого времени у меня не будет.

Она, едва сдержав слёзы, благословила его крестным знаменем.

И он со всеми своими людьми, с выездом, с гвардейцами, с Сычом и с Ежом, был у северных ворот города ещё до их открытия. Спал в карете, дожидаясь рассвета и открытия ворот.

Крестьянин Петер Мюллер в полдень возвращался с покоса. Лошадка его, недавно оже-ребившаяся, тащила телегу с нетяжкой поклажей весьма легко, а жеребёнок её бежал рядом с мамкой. Домовитый Петер – с разрешения старосты, разумеется, – выкашивал клин у оврага и половину сена полагал себе. Ехал он не спеша и вполне довольный жизнью. И ещё издали увидел то, что его насторожило. Прямо у дороги два неопрятных на вид мужика развели костёр. Люди те были весьма необычны в этих местах.

Господа? Нет, не господа, но и не мужицкого звания тоже. Не попы, не купцы и не солдаты. Что ж за людишки то?

«Городские, сволочи!» – как подъехал ближе, сразу определил для себя мужик. Понял, удивляясь, что городских так далеко занесло от города. И ещё сильно его удивлял тот предмет, что от их костра уж очень вкусно пахло. Пахло жаренным на углях мясом. И чем ближе подъезжал он к ним, тем тревожнее становилось мужику. Эти городские выглядели не просто как заезжие бюргеры. Они были вида не бедного и весьма...

«Разбойники! – похолодел мужик. – Как есть разбойники!»

А кто ж ещё это мог быть? Морды страшные, один хмырь ухмыляется беззубо, морда до глаз заросшая, другой, лысый и лопухий, злых зенок своих от крестьянской лошадки не отводит. А что ещё хуже, прямо у дороги лежит голова оленихи, копыта её тут же, а на вертеле над дымящими углями висит мясо бедного животного. Ну вот и думайте сами, что это за люди, которые отважились в лесу господина бить его оленей и прямо у дороги их жарить. Это ж дело висельное!

«Точно разбойники! Висельники, не иначе, другие на такое не отважились бы!»

Петер, не дожидаясь, когда эти мужики ножи из-под одежды достанут и к нему пойдут, врезал коняшке своей хлыстом, да так, что сам испугался. Коняга вздрогнула и пустилась вскачь, а крестьянин, честный человек, пролетел мимо костерка, да потом ещё и оборачивался: не бегут ли за ним. Отъехал подальше, и даже дышать ему легче стало. И так как был он человек бого-

боязненный и господина своего чувший, сразу поехал Мюллер к дому второго егеря господина, к дому Клауса Кёллера.

Приехал и, увидав того у свинарника, заорал ему через забор радостно:

– Свиной кормишь, Клаус, а у тебя там оленей убивают!

Высокий и сильный Клаус Кёллер обернулся. Посмотрел, кто это там орёт у забора. Такой крик был явной наглостью, не всякий мужик может вот так вот просто кричать егерю господина таким обидным тоном.

– Что ты мелешь, дурень?

– Да то и мелю, господин егерь, – продолжал мужик, – там два каких-то человека убили оленя господина и жарят его прямо у дороги, даже в лес не прячутся.

– Да ты пьян, дурак.

– Да не пьян я. Коли не веришь, так езжай сам погляди. Тут и недалеко, даже до оврага не доедешь.

Клаус в такое жуткое преступление не поверил бы, но простой мужик так подшучивать над ним не осмелится. Видно, правду говорит.

– А что то за люди? – спрашивает егерь, понимая, что придётся ему туда ехать. – Не военные ли?

Кто ж ещё, кроме военных, осмелится на такое дело?

– Нет, – кричит Петер Мюллер, – не военные. На вид городские.

Не стал мужик говорить егерю, что люди на вид опасные. Зачем? Пусть егерь господский сам всё увидит.

– Ну так что, Клаус, поедешь?

– Не твоё собачье дело, – говорит ему егерь, – твоё дело сказать. А сказал, так езжай дальше, не стой у моего забора.

– Оно, конечно, конечно, – кричит Петер и радуется, что не сказал егерю о том, что те двое, что жарят оленя, на вид весьма опасные.

Взмахнул хлыстом и повёз сено дальше, половину надо ведь было старосте отдать.

А Клаус Кёллер стал собираться. Взял большой нож, аркебузу, что господин ему выдал, пороховницу повесил через плечо. Быстро и умело оседлал конька своего и поехал по дороге в сторону оврага.

Надо, конечно, было напарника позвать, но напарник его всю заслугу по поимке браконьеров себе бы приписал, так как он был старшим егерем, а Клаус младшим, поэтому Клаус решил изловить сволочей сам, единолично. Тем более, что это простые горожане.

Торопился егерь. И вскоре он был на месте. Уже чувствовал запах дыма и жареного мяса, что разлетался по округе. Он даже следов на дороге не смотрел, так торопился их изловить. За такое дело можно и награду получить – господин молод, и поэтому ещё не жаден, – а может даже, и повышение

А когда увидел этих бюргеров, во-первых, пожалел, что не позвал напарника, а во-вторых, про себя пообещал набить морду мужику Мюллеру за то, что не сказал, что эти людишки весьма на вид непросты, хоть и не солдаты. Но отступать было уже нельзя, и Клаус, взяв аркебузу и подпалив фитиль, поехал к этим разбойникам. А разбойники жрали мясо и пили пиво из жбана, а увидав его, вовсе даже не испугались, а лишь поднялись с земли и встали руки в боки в ожидании, когда он подъедет. А он, подъезжая, уже кричал им грозно, чтобы страха нагнать:

– Эй вы, сволочи! А ну-ка покажите руки! И говорите, есть ли железо при вас?

А сам подъезжает ближе и поднимает аркебузу.

– Ты бы, дядя, не лаялся бы так с незнакомыми-то людьми, – нагло заявляет ему лопухий.

И стоят с ухмылками оба и оружия не боятся. И арбалет лежит рядом, и ножи у обоих на поясе.

«Ох, Петер Мюллер, быть твоей морде битой, крепко битой», – думает егерь.

А пока он думал, тот, что пониже да покоренастей... раз, и уже у его коня стоит... два, и под уздцы его цепкой рукой схватил... три, и уже за ствол аркебузы схватился, и на себя её тянет и смеётся ртом беззубым:

– Это ты что, дядя, фитиль-то поджёг, а на полочку запального пороха насыпать забыл? Как ты стрелять-то собирался? Или думал, что мы фитиля дымящегося испугаемся?

Егерь даже растерялся от такого проворства опасного человека и думал, что теперь ему ответить, а тут этот мужик так дёрнул за ствол, с такой силой, что вырвал аркебузу из сильных в общем-то рук егеря:

– Дай сюда, не игрушка это для дураков. Вещь сие опасная.

Но при этом узду коня он выпустил, и егерь тут же коня поворотил и погнал его прочь. А аркебузу он вернёт, сейчас только до поместья господского доскачет, и вернёт. А Петер Мюллер... У, подлец, теперь-то точно легко не отделается.

– Ишь, как полетел, – глядя ему вслед, говорил Ёж. – Скоро и сам господин пожалует.

– Пожалует, куда денется, – соглашался Сыч, разглядывая аркебузу. – А вот аркебузка-то дрянь. Больше трёх талеров нам за неё не дадут.

– Врёшь, – отвечает ему товарищ, – опять врёшь. Пять талеров выучим. И я свои две с половиной монеты должен за неё получить.

– Пять талеров, – кривляется Сыч и смотрит на приятеля с укоризной. – Неблагодарный ты, Ёж, человек. И очень жадный к тому.

– Уж кто бы про жадность говорил, – отвечает Ёж и садится снова к мясу и пиву поближе.

Часа не прошло с тех пор, как Сыч и Ёж отобрали у егеря аркебузу, как из кривых ворот старого и неказистого замка с шумом и залихватским гиканьем выехали шесть господ на отличных конях.

Были они, те господа, молоды и при железе, и при аркебузах, и даже пистолеты у них были. И первым среди них летел на отличном коне не кто иной, как семнадцатилетний Гюнтер Дирк Мален фон Гебенбург, третий сын покойного Конрада Густава фон Мелендорфа, восьмого графа фон Малена, и младший брат нынешнего Теодора Иоганна, девятого графа фон Малена.

А сзади на своём коньке, едва поспевая за господами, ехал егерь Клаус. И ехали они ловить обнаглевших браконьеров, что осмеливаются убивать оленей в лесу господина и, обнаглев от безнаказанности, жарить их прямо у дороги. Нет, Гюнтер Дирк Мален фон Гебенбург, родной брат девятого графа фон Малена, такого допустить не мог и гнал своего коня, волнуясь, что бродяги, которые убили оленя, убегут быстрее, чем он туда приедет. Он очень хотел их повесить. Прямо у дороги, на крепком суку, чтобы все проезжающие видели, как господин этих мест бывает строг с ворами и браконьерами.

И, к радости молодого господина, браконьеры не сбежали, а лишь поднялись и стояли, ждали, когда он и его свита приблизятся. Но чем ближе подъезжал, тем удивительнее было для него то, что он видел. А видел он, как из леса, из-за спин пирующих браконьеров, выходят люди весьма военного вида, и не один, и не два их, а целый десяток, и все с аркебузами, и у всех на запястьях дымятся фитиля, и ставят они своё оружие на рогатки, и целются мерзавцы... целются в Гюнтера Дирка Малена фон Гебенбурга и его людей. И командир у них есть. И смотрит этот командир на господина окрестностей и на людей его весьма недружелюбно. А люди господина хватаются за оружие, кто-то даже кричит:

– Измена! Стойте, сеньор!

Гюнтер Дирк Мален фон Гебенбург коня остановил в двадцати шагах от военных людей-браконьеров и кричит им как можно более грозно:

– Кто вы такие, и кто из вас старший, и что вы делаете на моей земле?!

И тут из леса выезжают два человека на добрых конях, оба при железе, люди, сразу видно, благородные, один из них, тот, что едет первый, без шапки, молод, белокур, красив, вида опять же военного, и едет он с видом заводилы. И, подъезжая, кланяется и говорит с достоинством:

– Господа, угрозы никому из вас нет. Спрячьте оружие.

– Кто вы такой?! – кричит Гюнтер Дирк Мален фон Гебенбург. – И что ваши люди делают на моей земле?!

Но кричит он так, что крик выдаёт его волнение. А тут ещё к нему подъезжает его егерь и шепчет:

– Господин, они ещё и сзади!

Фон Гебенбург поворачивается и видит: дорогу назад ему преграждает десяток всадников.

– Кто вы такой, добрый господин?! – срывающимся голосом снова кричит Гюнтер Дирк Мален фон Гебенбург.

– Имя моё я вам назову, только наедине, – отвечает белокурый красавец. – Другим его знать не надобно.

– И что же вам нужно, господин, который скрывает своё имя от честных людей?! – кричит самый смелый из свиты фон Гебенбурга.

– Только разговор с вашим сеньором, только разговор. Уверяю вас, господа, вашему сеньору ничего не угрожает, ни животу его, ни свободе, ни чести. Мне нужно только отъехать на пятьдесят шагов отсюда и переговорить с ним с глазу на глаз.

Гюнтер Дирк Мален фон Гебенбург обернулся, видно было, что ему очень не хочется беседовать с кем-то подобным, но показать трусость перед своим выездом он, конечно же, не мог.

– Хорошо, господин, который скрывает своё имя, я отъеду с вами для разговора.

Белокурый молодой человек поклонился и показал ему рукой, куда ему ехать.

– Меня разбирает любопытство, – говорил белокурому фон Гебенбург, – о чём же мы будем с вами говорить?

– Говорить вы будете не со мной, а с другой персоной, – отвечал его спутник, – а имя моё Максимилиан Брюнхвальд.

– С другой персоной? – удивился фон Гебенбург. – С кем же?

– Он ждёт вас, сейчас вы всё узнаете...

Они свернули с дороги в лес и скрылись из вида всех прочих.

– Хорошо... Брюнхвальд... Брюнхвальд... Я где-то слышал ваше имя..., – Гюнтер Дирк Мален фон Гебенбург старался вспомнить, где он его слышал, и тут его глаза округлились, он вспомнил. И даже хотел повернуть. – Брюнхвальд! Вы же служите фон Эшбахту!

– Да, и господин фон Эшбахт ждёт вас, – отвечал Максимилиан, хватая за узду коня молодого господина, чтобы, не дай Бог, он не кинулся прочь отсюда. – Прошу вас сюда, вон его карета.

Глава 6

Пришлось молодому господину с коня слезать, так как господин Эшбахт был не верхом. Родственники раскланялись вполне вежливо. И Гюнтер Дирк Мален фон Гебенбург спросил:

– Говорят, моя сестра на сносях, как здоровье её?

– Да, так и есть, скоро, думаю, у вас будет племянник новый, если, конечно, монахиня, которую я приставил к жене, не врёт, – отвечает кавалер. – Может, уже к концу сентября.

– Дай того Бог, – вежливо говорил господин Мален. Он всё ещё не понимал, для чего его таким способом вызвали на разговор, но начинал думать, что господин Эшбахт хочет через него помириться с графом. И ещё больше укреплялся в тех догадках, когда Волков начал спрашивать его:

– Кажется, графиня принесла чадо мёртвое?

– Да, к сожалению, долгожданный мальчик умер, – отвечал молодой фон Гебенбург.

– Господу будет ещё один ангел, – произнёс Волков и перекрестился.

– Прими Господь его душу, – согласился с ним Гюнтер Дирк Мален, тоже крестясь.

– А ведь других сыновей у него нет?

– Нет, только две дочери.

– А второй ваш брат хвор, и жену навещает не часто, и детьми до сих пор не богат, – спрашивал кавалер.

– Да, второй мой брат Генрих детей не имеет вовсе, он и с постели из-за болезни не каждый день поднимается, – отвечал ему родственник, всё ещё до конца не понимая, куда клонит рыцарь.

– Думаю, случись что с вашим старшим братом, так ваш брат Генрих титул вам по недужности своей переуступит.

– Что? К чему вы это спрашиваете? Зачем говорить о таком? – не понял Гюнтер Дирк Мален фон Гебенбург. – Да и что же случиться может с графом?

Волков не стал отвечать на вопрос молодого человека и продолжал:

– Говорю, что семейство ваше в случае смерти графа титул передаст вам, а не Генриху.

– О чём вы рассуждаете? – воскликнул фон Гебенбург.

– Вы ведь, как никто другой, заслуживаете титул. Герб с графской короной был бы вам к лицу, – спокойно продолжал Волков, хотя собеседник его стал заметно бледнеть. – Замок ваш убог, а конь хоть и неплох, но не достоин своего седока, вам нужен скакун вороной масти, такой, что и сам герцог позавидовал бы.

– Я... Я..., – начал было родственник, но тут же встрепенулся. – Что вам от меня нужно, Эшбахт?

– Только одно, – спокойно говорил Волков, – я прошу вас, когда примете титул, вы отдадите поместье Грюнефельде моей сестре. Как того требует её брачный договор. Иного я и не прошу у вас.

– Да за одно то, что я вас слушаю, мой брат имеет право меня посадить в подвал! – воскликнул молодой человек. – И даже казни он меня, никто его не упрекнёт! Потому что это измена!

Волков подошёл ближе и сказал, заглядывая в его глаза:

– Только поместье Грюнефельде, и больше ничего.

И молодой человек вдруг не стал больше возмущаться. Он просто молчал. Стоял, не отводя глаз от глаз кавалера, и молчал.

И этого молчания было старому солдату достаточно. Слова ему были не нужны. Он знал, что юноша, как и всякий другой молодой человек на его месте, мечтает о графском титуле, об огромных поместьях, о чине Первого Виночерпия при дворе, о месте за столом Его Высочества

и о богатстве, конечно. И поэтому... Гюнтер Дирк Мален фон Гебенбург просто молчал, уже видя себя десятым графом фон Мален.

– Я буду вашим верным другом, – закончил разговор кавалер, всё это видя в глазах молодого человека, – можете на меня рассчитывать. Но поместье должно быть отдано моей сестре.

И опять родственник не ответил ему, молчанием лишь подтверждая своё согласие вернуть поместье Брунхильде.

– А за оленя вы уж меня простите, – говорил Волков, уже залезая в карету. – В моей глуши оленей нет, зато кабанов и волков так много, что я иной раз и мужиков не ругаю за то, что они какого-нибудь кабанчика возьмут, да и зарежут на пропитание. Приезжайте ко мне охотиться, друг мой, – вы не пожалеете. И ещё, – Волков сделал многозначительную паузу, – не говорите о нашей беседе никому, даже своему ближнему кругу – донесут графу обязательно, и тогда вы и впрямь окажетесь в подвале графского замка.

– И как прошла беседа? – спросил у него Максимилиан, когда карета уже выезжала на дорогу.

– Лучше, чем я надеялся, – отвечал кавалер.

Доехали до города уже к вечеру, хотел выспаться во дворце у родственника, а Кёршнер ему новость рассказал, новость уже до города дошла, как говорится, из уст в уста. И, конечно же, она касалась Волкова.

Оказывается, майор фон Реддернауф, проходя по Мелендорфу со своим полком, встретил там самого графа Малена. И граф стал спрашивать, кто дозволил Реддернауфу по его земле водить войска. На что кавалерист отвечал ему, что он идёт в Эшбахт по приказу, а приказ ему дал не кто иной, как сам генерал Иероним Фолькоф.

Граф стал возмущаться и требовать, чтобы полк убрался туда, откуда пришёл, на что майор отвечал ему без особого почтения, что графа он знать не знает, а генерала фон Эшбахта знает хорошо, и тот человек крутой, который приказы просто так отдавать не будет, и если генерал приказал ему идти этой дорогой, то пусть граф свои претензии высказывает генералу. А если граф надумает мешать, так майор грозился построить своих людей в боевой порядок и пройти по земле графа, как того требует ситуация.

После такого граф убрался в замок и был при том в бешенстве. Волков посмелся, и посмеялся бы ещё, зная, что за кавалеристами по земле графа, отставая от них, наверное, на день, пойдут ещё и ландскнехты Кленка. И уж их капитан точно с графом вести светские беседы не станет, а пошлёт графа к чёрту и пойдёт, куда ему надо.

Но была во всём этом одна досада. Зная мерзкий нрав графа и его к себе нелюбовь, Волков ни секунды не сомневался, что фон Мален догадался, для чего в Эшбахт идёт целый полк кавалерии, а за полком ещё и хорошая баталия лучших имперских солдат – ландскнехтов пойдёт. В общем, кавалер был уверен в том, что гонец от графа уже послан в кантон Бреген с предупреждением о том, что к его границам стягиваются немалые силы.

Как говорится: враг моего врага...

И поэтому уже сегодня, ну или к концу завтрашнего дня, в кантоне будут знать о том, что он собирает в Эшбахте силы. А значит, ему нужно начинать дело как можно быстрее.

Время! Время! Как быстро ты убегаешь, проклятое...

Он решил не ночевать в городе, решил забрать Бригитт и Ёгана и тут же ехать домой. А Бригитт ему перед этим и говорит:

– Господин Кёршнер посоветовал нам человека только что, который в хозяйстве умел. Я поговорила с ним, он от графа ушёл.

– От графа ушёл? – удивился кавалер.

– Да, господин Кёршнер так и сказал. Может, поговорите с ним?

– Господин, – добавил Ёган просительно, – поговорите с ним. Может, приглянется он вам, человек он весьма учёный.

Может так случиться, что через месяц, а может, недели уже через две, горцы будут жечь его дом и его пристани. Мужики с бабами, которых он пригнал из-под Нойнсбурга, станут разбегаться радостные. А он сейчас умелого управляющего нанимать станет? Да, станет, почему-то Волков верил в свою звезду:

– Ну, зовите его, госпожа моя.

Пришёл человек высокий, немолодой, пятидесяти лет. Худой, но видом бодрый, в хорошей одежде. В руках он держал весьма толстую книгу, на боку у него висела чернильница и пенал для перьев, как у заправского писца. Пальцы от чернил чёрные – грамотный. Это Волкову сразу понравилось.

– Эрнст Кахельбаум, – представился человек с низким поклоном. – Последние двенадцать лет работал управляющим у графа фон Малена во всех его доменных владениях.

– А отчего же вас от должности отставили? – спросил кавалер.

Эрнст Кахельбаум сразу как будто обиделся, но отвечал он с почтением:

– От должности я не отставлен был, а ушёл по своему разумению.

– Ах вот как, – продолжал Волков и указал на книгу, что была в руках управляющего. – А что это за книга у вас?

– То простая книга, с чистыми листами, – начал объяснять Эрнст Кахельбаум и показывать книгу кавалеру, – но у меня в ней будут вписаны все добытки и все траты вашего хозяйства. Всё будет занесено в таблицы и реестры, вот видите, вот сюда, – он стал показывать расчерченные страницы книги. – И ни о чём я не позабуду и ничего не пропущу.

«О, да ты, братец, из тех учёных зануд, что всё записывают».

– Я всё это сам изобрёл, – говорил управляющий с гордостью, «чернильными» пальцами тыча в расчерченные страницы книги, – весьма полезно то для ведения хозяйства. В том числе и господин всегда сможет проверить, как идут дела в его земле. Разобраться в этом не сложно, главное желание иметь и грамотным быть.

– Уж очень вы учёны, – сказал кавалер задумчиво, – какую же вы плату потребуете за учёность свою?

– Прошу я немного, – отвечал Эрнст Кахельбаум, – прошу лишь шестьдесят талеров Ребенрее и два процента с прибыли.

– Шестьдесят талеров содержания, да ещё два процента? – удивился кавалер.

А тут заговорил Ёган:

– Господин, вы больше тысячи душ приведёте, мне с такой прорвой не справиться, ей-Богу, я даже думать боюсь, что мне с ними со всеми делать. Возьмите этого господина. Сразу видно, что он человек сведущий.

– Два процента! – отвечает кавалер. – Да ещё содержание.

– Господин мой, – заговорила Бригитт. – Давайте возьмём этого учёного мужа, коли станет он нам не по карману, так будем его просить уйти. А пока пусть он поможет.

– Да-да, – поддерживал её Ёган. – я с господином Эрнстом Кахельбаумом говорил, он и в посевах, и в скоте, и в земле оказался сведущ. Я как только сказал ему про нашу землю, так он сразу мне назвал, что будет у нас расти, а что нет, и всё без ошибки назвал.

Волков чуть подумал и спросил:

– А отчего же вы всё-таки ушли от графа?

– Говорить о своих нанимателях прежних считаю неприличным, – важно отвечал Эрнст Кахельбаум.

– Неприличным? Ну что ж, может, вы и правы..., – произнёс кавалер. – Ладно, я вас беру, но управляющим будет мой человек Ёган. Его я знаю не первый год, он мне предан. А вы будете вторым человеком, и его слово над вашим будет решающим.

– Воля ваша, господин, – отвечал Эрнст Кахельбаум с поклоном. – Соберу семью и вещи и через два дня буду у вас.

Когда он ушёл, Волков заметил, садясь в карету к уже сидевшей там Бригитт:

– Дорог, да ещё и спесив. И не говорит, почему от графа сбежал. Подбили вы меня на глупость, кажется.

– Господин, мне одному со всем не справиться, – говорил Ёган, закрывая за ним дверцу. – Слыхано ли дело, тысяча душ придёт. И мне отвечать за всех! Боязно.

– Боязно! – передразнил его Волков. – Трус!

Дома были уже ночью. Сыч с Ежом пришли к нему и спросили, что делать с пленным.

– Он мне ещё нужен, – ответил Волков. Кавалер надеялся, что когда вернётся с войны, всё-таки визнает наверняка, кто и почему на него нападал. А мысли у него были. Подозрения были. И зачинщик, кажется, уже был. Одного не было. Не было причины.

Но ничего, когда он найдёт зачинщика и припрёт его к стене, поставив перед ним бриганта-свидетеля, то и причина станет ясной.

А пока он, не зайдя даже домой, чтобы поцеловать жену, лишь высадив Бригитт, поехал сразу в трактир. А кабак битком. Духотища страшная, откуда столько всякого народа набралось – непонятно.

Раньше, когда он только приехал в Эшбахт, была тут пустыня. В деревню кабаны дикие забегали, а сейчас, в полночь, за столом в кабаке места свободного не найти. Подёнщики, купчишки мелкие и не очень, строители, девки, солдаты из тех, что ранены были или изувечены в прежних делах и в новый поход с господином не пошли.

Сразу его заметил трактирщик, прибежал, кланяясь:

– Присесть желаете, господин?

– Нет, – отвечает кавалер сухо и осматривается. – Народу у тебя тут много. Нет ли воров? Имей в виду, ни жуликов, ни воров тут не потерплю. Узнаю, что воры завелись или, пуще того, конокрады, так и их выгоню, и тебя с ними.

– Что вы? Что вы, господин? – уверял хозяин заведения, перепугавшись. – Ни воров, ни жуликов тут нет, играют в кости людишки, но по мелочи, без драк, а всех злых людей отсюда господин Сыч сразу отваживает. Они тут не приживаются. Нет.

Волков повернулся и пошёл вверх в покои. Думал будить Агнес, а она не спала. Да ещё и одета была в платье. Словно ждала его.

– Я свои дела решил, – сказал он, поздоровавшись и садясь на постель подле неё. – Теперь ты делай.

– Сделаю, – отвечает девица. Лицо её белое, красивое, но холодное аж до мороза, даже ему она кажется сейчас страшной. И она продолжает: – Сыча я с собой заберу. Надобен будет, – она кричит: – Ута!

Тут же дверь отворяется, и на пороге комнаты появляется служанка Агнес.

– Игнатий карету запряг?

– Я ему сказала, как вы велели, сейчас пойду спрошу.

– А вещи все собрала? Не дай Бог забудешь что... – продолжает девушка с угрозой.

– Ой, пойду проверю... – говорит служанка испуганно и уходит.

– Ты, что, сейчас думаешь уехать? – удивляется кавалер.

– А чего тянуть? – отвечает дева.

«Она знала, что ли, что я сейчас приеду? Спать не собиралась, собралась уже!»

– А Сыча ты с собой взять хотела... Так, может, не сыщешь его сейчас.

– Чего его искать? – девушка встала с кровати. – Он сейчас тут, в кабаке, место только что своё любимое себе отвоевал, деньгой перед девками хвастает, думает с приятелем своим пьянствовать до утра да бабам подолы задирать.

– Ты, что, видишь всё это? – холодея сердцем, спрашивает кавалер.

А Агнес смеётся:

– Да нет, просто Сыча, подлеца, знаю. Давайте прощаться, «дядюшка», пойду Сыча огорчать, скажу, что не попьанствует он сегодня.

Волкову кажется, что она врёт. Он думает, что она уже так наловчилась чувствовать, что даже через стены знает, есть ли кто из её знакомых в кабаке.

Он встал, обнял девушку. Поцеловал в лоб. Она целовала ему руку.

– Ты смотри, аккуратна будь, чтобы на тебя и не подумали.

– Не волнуйтесь, дядя, – отвечала дева уверенно, – я буду тиха, не подумает на меня никто, а на вас и подавно, а ворога вашего через неделю не станет.

Говорила она это так спокойно и уверенно, что он даже перестал волноваться о деле страшном. Он долго смотрел на девушку и наконец задал тот вопрос, который его волновал даже больше, чем судьба графа.

– А я...? Буду ли я ещё тогда, переживу ли врага своего, я ведь опять на войну еду? И война та будет пострашнее прежней.

– Будете, дядя, будете, – отвечала Агнес уверенно.

А он вдруг ей не поверил. Почувствовал, что не знает она наверняка, говорит, чтобы его успокоить. Поцеловал её ещё раз и пошёл прочь.

Когда он спустился вниз, услышал знакомый голос. То Фриц Ламме, сидел он за лучшим столом и уже в объятиях молодой и не худой трактирной девки с распущенными волосами, у которой груди едва удерживались за лифом платья, и кричал разносчице на весь кабак:

– Где моё вино, толстуха Гретхен? Где пиво? Долго нам ждать? Неси скорее, а то у моей бабёнки всё пересохло!

Кричал он нагло, с вызовом, кричал повелительно, как кричит любимец господина, гордый своей близостью к персоне и осознанием собственной важности. И смеялся потом беззубым ртом, видя, как пугается и суетится толстая разносчица. Ёж, другие женщины и мужички подозрительного вида, что были за его столом, тоже смеялись, тоже кричали на Гретхен и требовали себе выпивки. А расторопный трактирщик лебезил перед ним и услужливо подгонял толстуху, чтобы важный гость не ждал лишних минут.

«Хорошо тебе тут, подлецу! Заводила, главный человек в кабаке. Да при деньгах, да при расположении господина, да при уважении. Ничего, сейчас Агнес спустится, тебе веселье-то подпортит, с собой заберёт на дело важное».

Волков прошёл, ими незамеченный, думая с усмешкой о том, что этой ночью выпить Сычу, может быть, не удастся вовсе.

Пока он не отъехал, прибежал дворовый мальчишка и сообщил ему, что от майора фон Реддернауфа приезжал вестовой и сообщил, что майор Реддернауф стал со своим полком в десяти милях от Эшбахта и завтра до полудня будет на месте. И что ландскнехты идут следом и придут через сутки. Всё шло по плану. Пока. И он молил Господа, чтобы и дальше так продолжалось.

Глава 7

Время. Оно не давало ему остановиться. Не давало лечь и выспаться. Во сне разве дела переделаешь?

Гвардейцы были набраны из простых солдат, но даже для них целыми днями и ночами сидеть в седле было непросто, и лошадям было непросто, хоть лошади гвардейцев были очень хороши, а уж набранные в Ланне молодые господа так и вовсе чуть не падали из сёдел от усталости. Но Волков никому поблажек давать не собирался. Решили воинское ремесло осилить, так будьте добры терпеть. Это вам не бюргером пробывать жизнь свою, в перинах нежась до утренних колоколов. Тут всё иначе, привыкайте.

Сам же кавалер теперь ездил в карете Бригитт, не стесняясь. Генералу не возбраняется.

И как только лошади поели, попили и чуть отдохнули в ослабленных сбруях, так ещё до рассвета он отъехал к амбарам. Он должен был знать наверняка, что купчишка Гевельдас сделал всё как надо.

И главное, собрал и оплатил баржи. Десять барж, в которые легко поместятся полторы тысячи солдат, уже должны стоять у пирсов. Чтобы, подойдя к пристаням, полк Карла Брюнхвальда в тысячу с лишним человек, считая арбалетчиков, и три с лишним сотни стрелков майора Рохи могли начать погрузку прямо с марша.

Десять барж должно быть у пристаней, и не меньше. С солдатами будет куча всего: и порох, и болты для арбалетов, и провианта с фуражом на пару дней. А ещё и пять десятков коней для молодых господ, для гвардии, для офицеров и для вестовых. Всё должно влезть, поэтому он и брал баржи с запасом. И очень волновался о том, что может не всё получиться, или о том, что о его приготовлениях прознают враги в кантоне. В общем, для волнений и беспокойств поводов было предостаточно. Вот и гнал он в ночь своих людей, чтобы до рассвета быть на том берегу реки.

Приехал до рассвета, но к радости молодых господ, оставшихся спать на берегу Эшбахта, нашёл лишь лодку и поплыл в Лейдениц только с Максимилианом, Фейлингом и Габелькнатом.

В рассветном тумане посчитал порожние баржи, что нашёл у пристаней. Почувствовал неладное, поспешил к Гевельдасу домой.

– Семь? – шипел он, хватая купца за ухо. – Всего семь? Я же сказал тебе десять. Десять!

– Так нет больше, нет больше барж, людишки прознали, что я ваш друг, так боятся, прячут лодки. Но ещё одна к вечеру сегодня будет.

– Боятся? Чего они боятся? – Волков выпустил ухо купца.

– Так вас же, у вас тут репутация дурная. Считают вас тут забиякой, обзывают раубриттером. Думают, что вы опять какую-то склоку начинаете. Боятся лодки потерять люди, господин.

– Я же сказал тебе не говорить, что для меня!

– Я и не говорил, так разве они без моих слов не догадаются? – купец вздохнул. – Господин, может, всё-таки хватит вам восьми лодок.

Вот как, как объяснить дураку, что две баржи, которые он называет по местному обычаю лодками, – это три сотни солдат? Целая рота!

Как объяснить купчишке, что и сто лишних солдат, бывало, решали исход дела? А тут триста! Разве поймёт этот дурень, что он сам и все его люди послезавтра поплывут на опасное дело, поплывут в пасть льва, и что каждый человек будет на счету. Каждый! Что он и так для скорости и тайны оставляет значительную часть своих сил на берегу, осмеливается высадиться на земле злейших людей лишь с половиной своих сил? То огромный риск, но разве этот глупый торгош сие уразумеет? Нет. И не было смысла в объяснениях и уговорах, поэтому кавалер говорил тихо:

– Завтра к утру чтобы баржи были у пирсов, двойную цену предлагай, где хочешь ищи, но чтобы баржи были. А не будет барж... Кирасу, шлем и пику я тебе найду... Со мной поедешь.

Купец кивал головой, лицо у него было кислое, прямо воплощение уныния и смирения перед судьбой, а не лицо. И он после говорит:

– Попробую сыскать. Этот мерзавец Плетт приехал и арендовал две баржи, и держит их, хотя ничего не грузит третий день.

– Плетт? – Волков помнил его. – Лесоторговец?

– Да, он и вся их компания рюммиконская тут, и он, и Фультман, и Вальдсдорф, все тут, проживают сейчас на постоялом дворе у купца Гафта.

– Советник славного города Рюммикон, помощник судьи города Рюммикон и глава Линхаймской коммуны лесорубов и сплавщиков леса, секретарь купеческой гильдии леса и угля кантона Бреген господин Вальдсдорф, – вспоминал Волков задумчиво.

Это новость его порадовала. Ну не то, чтобы порадовала, но... Он повернулся к своим людям:

– Максимилиан?

– Да, генерал.

– Знаете, где постоянный двор купца Гафта?

– Найду, генерал.

– Прекрасно, там найдите советника Вальдсдорфа, неопрятный толстяк из Рюммикона.

– Я помню его, генерал,

– Скажите, что фон Эшбахт немедля хочет переговорить с ним и с другими купцами из Рюммикона немедля. И с глазу на глаз.

– Да, генерал, – Максимилиан уже стал поворачиваться, чтобы уйти, но Волков его остановил:

– Они, думается мне, не захотят говорить, побоятся скомпрометировать себя, но вы скажите, что у меня есть выгодное предложение для них. Скажите, что очень выгодное. У купцов жадность посильнее страха.

Не хотели купчишки с ним видеться, уж очень боялись; не скажи им Максимилиан, что генерал сулит им выгоду, так встречи и не случилось бы. Но, поспрашивав у молодого прапорщика, что за дело у генерала, и ничего не выведав у него, на встречу согласились, но просили, чтобы всё было тайно.

У Волкова при себе, на луке седла, был крепкий мешок с двумя тысячами талеров. Вот с ним-то он и пошёл к купцам из Рюммикона на встречу. Через двор не пошёл, там народа полно, объехали дом с другой стороны, где он и зашёл с кухни, да и то опуская лицо.

Купцы и советник ждали его в большой, хорошей комнате, где ему предложили кресло и вино. В кресло он сел, бросив на пол подле себя мешок с серебром так, чтобы оно как следует звякнуло. Пусть купчишки знают, что у него есть. А вот от вина отказался, сославшись на утро.

– Господин фон Эшбахт, общение наше не должно быть продолжительным, – заговорил толстяк, – сами понимаете...

– Понимаю, понимаю, – отвечал Волков. – Знаю, что ваша репутация может пострадать, если кто в ваших землях узнает, что вы встречаетесь со врагом кантона Бреген. Поэтому буду краток, – он указал на мешок, что лежал рядом с креслом. – Тут две тысячи монет Ребенрее. Прошу вас, господа, взять их и употребить на дело.

– На какое же? – спросил лесоторговец Плетт.

– И вам, и мне вся эта распря ни к чему, нам с вами торговля нужна, нам нужен ваш лес и ваш уголь, а вам, уверен, по душе будет мой овёс и мой ячмень. Поэтому нам нужен мир.

– Мир? – купцы стали переглядываться, и в их взглядах Волков читал явственно: что за вздор он несёт? Перепугался, вот и просит мира.

Да, именно так купчишки и думали. Они были уверены, что кантон его одолеет. И тут Фульман спросил с этакой вальяжностью важного человека, который из вежливости да боголюбезной скромности снизошёл до просителя:

– И что же нам делать с этими деньгами? Уж не подскажите ли?

«Свинья, лавочник, силу почувствовавший. Эка спесь из него прёт, говорит и через губу не переплюнет».

– Здесь две тысячи, употребите их на дело, уговорите совет отвести войну со мной, и ещё вам восемь тысяч дам для того. Скажите, что не выгодно вам война. Выгоден мир.

– Мы и сами знаем, что нам сказать надо будет, – заносчиво произнёс Плетт. – Только боюсь, что никто нас не послушает, уж больно много обид вы нам нанесли.

А вот советник Вальдсдорф говорил с почтением, потому как был умнее своих товарищей:

– Вы уж простите нас, господин фон Эшбахт, но сейчас наши предложения о мире с вами в совете кантона будут неуместны. И будут даже глупы, господин Плетт прав, уж очень много обид вы нанесли нашей земле. И совет земли выделил уже деньги на войну, разве ж её теперь остановить?

«Вот тут ты, толстяк, прав, коли деньги на войну есть, так войне быть, наёмники деньги никогда обратно не отдадут».

– А ещё наш новый консул, – всё так же высокомерно продолжал Фульман, – сам господин Райхерд. Он человек твёрдый и непреклонный.

– Райхерды род в нашей земле древнейший, – подтвердил Вальдсдорф, – он не отступит. И посему просьбу вашу мы исполнить не можем.

– Жаль, – сказал кавалер, беря мешок с деньгами и вставая. – А ведь я мир вам предлагал, господа.

Купцы и советник снова переглядывались, и снова в их взглядах была насмешка над ним.

– Мы ничего не можем сделать, – повторил толстяк, разводя руками и изображая сочувствие на круглом лице.

Волков шёл на улицу, неся в руке мешок со своими деньгами. Купчишки денег не взяли! Виданое ли дело? Да ещё отказали с насмешками. Но разочарован он не был. Нет, не был.

Идя предлагать мир, он был уверен, что купчишки смеяться над ним станут. Так и вышло. Были они и высокомерны, и заносчивы.

И это было хорошо. Хорошо. Потому что поганые лавочники уверены, что кантон его одолеет. Уверены так, что имущество своё поставить на победу родной земли могут. А значит, они, купчишки, первые в мире шпионы и соглядатаи, о его планах, о его приготовлениях ничего не знают. Знали бы – так заносчиво себя не вели бы.

Ещё раз поговорив с купцом Гевельдасом и ещё раз пообещав ему казни и муки, если он не сыщет нужных барж, поехал на свой берег. Не успел вылезти из лодки, как по причалам к нему уже бежал и на ходу кланялся архитектор господин де Йонг.

– Вот как кстати я вас увидел, господин генерал, – говорил он, подбегая. – Поздравляю вас с таким знатным чином.

– Да-да, спасибо, друг мой, – у Волкова сил уже не было говорить, он даже не поел у купца, хоть тот его и приглашал. Но с молодым архитектором нужно было перекинуться парой слов.

– Госпожа Ланге только что говорила со мной, сказала, что задумали вы строить дом на берегу реки.

– Да, – отвечал кавалер, устало усаживаясь на сложенные на пирсе мешки, чтобы дать ноге отдохнуть.

– И когда же вы пожелаете посмотреть рисунки домов?

– Я ничего смотреть не стану, – говорит кавалер. – Хозяйкой дома будет госпожа Ланге, пусть она сама себе и смотрит.

– Ах вот как? Она мне об этом ничего не сказала.

– Да, хозяйкой будет она, а вы сделайте хороший дом. Дом, в котором всё будет: и конюшни, и каретный сарай, и всё, всё, всё... И уложите в, – он мгновение думал, – в восемнадцать тысяч талеров.

Волков обещал Бригитт двадцать, но знал, что ловкий строитель после двадцати потраченных тысяч будет просить ещё, на недоделки. И поэтому сказал строго:

– Слышите меня, де Йонг? Восемнадцать тысяч!

– Я всё понял, господин генерал.

– И это не всё, скоро, может уже через день, тут, в моей земле, будет тысяча человек.

– Тысяча человек? – удивился де Йонг.

– Вы разве о том не слышали? – в свою очередь удивился Волков.

– Ну, ваш управляющий говорил мне, что придут люди, но я думал, что тысяча человек это фигура речи...

– Нет, это не фигура речи. Это тысяча душ людей, которым надобно помочь с жильём, иначе зиму переживут не все. Зимы здесь, в предгорьях, вовсе не мягкие.

– Это я знаю, – кивал архитектор, кажется, он был доволен, – знаю.

– До ноября нужно будет построить хоть две сотни каких-нибудь лачуг, чтобы были очаги для готовки пищи и для сна места.

– Да-да, я понимаю, – кажется, архитектор был счастлив, что работа у него не заканчивается.

– Найдите моего племянника, приходите вечером ко мне оба. Надо будет посчитать, сколько нужно будет леса и прочего для этого.

– До ужина будем у вас, – обещал архитектор.

А кавалер с трудом встал с мешков и пошёл к карете. Как хорошо, что взял у Бригитт карету. Сил влезть на коня у него сейчас просто не оставалось. Только опозорился бы перед своим выездом.

Глава 8

А с женой вдруг произошли перемены. Монахиня, что ли, её научила. Раньше была Элеонора Августа к нему спесива до брезгливости. А тут вдруг ласкова, и заботу свою ему всячески выказывала. Вышла во двор встречать супруга, лишь услышав крики мальчишек, что господин едет, и пошла к нему сама, переваливаясь по-утиному и придерживая большой живот, когда он вылезал из кареты. И обниматься полезла. Бригитт в стороне стояла, едва улыбку сдерживая.

А жена стала сама слугами распоряжаться, да покрикивать на них взялась, прямо хозяйка имения:

– Не стойте столбами, олухи, несите господину воду, мыться. Одежду чистую. Еду... Мария, что там есть у тебя? Неси всё на стол!

– Ванну, – сказал Волков, обнимая жену не шибко крепко, – ванну принять хочу.

– Слышали? Петер, Матиас, носите воду, дрова, готовьте господину ванну. Эй, Гюнтер, ты новый лакей господина, где его вещи, второй день сидишь, бездельничаешь, отдал бы вещи господина прачке.

Всем работу нашла быстро. И сама дочь графа, изредка бросая косые взгляды на Бригитт, усадила его в кресло у стола, стала ему помогать снимать одежду. Виданное ли дело?! Точно её монахиня этому всему научила. А Волков уж и не знал, как быть. Всё это казалось ему таким странным, что лучше бы жена оставалась такой, как была раньше, злой да заносчивой. Ему так было бы привычнее.

Едва помыться успел, едва к трапезе приступил, как во дворе раздались крики. Мальчишки деревенские вбежали на двор и орала что было сил:

– Конники, конники приехали!

По началу, от усталости видно, он и понять не мог, о ком кричат, а потом вспомнил: это фон Реддернауф привёл свой полк. Доехал.

Встал, пошёл смотреть.

– Господин мой, куда же вы? – сердилась на это госпожа Эшбахта. – Только присели, вы же даже есть не начали!

Но он не мог не выйти. А когда вернулся, был уже с майором фон Реддернауфом, сказал жене:

– Госпожа моя, распорядитесь стол готовить, у нас будет двенадцать гостей.

– Двенадцать? – ахнула слышавшая это старшая из слуг и отвечающая за стол и кухню Мария.

– Да, двенадцать, – подтвердил генерал.

И это были ещё не все офицеры полка. В полку, кроме фон Реддернауфа и его заместителя, были ещё ротмистры, прапорщики, корнеты. Но часть офицеров осталась при конях и людях организовывать постой, поэтому к столу были приглашены всего двенадцать человек.

– Ну, как добрались? – спрашивал майора генерал, в знак своего расположения собственноручно наливая тому вина.

– Божьей милостью, – отвечал тот, принимая стакан. – Люди все целы, ехали без усердия, коней берегли, посему отставших нет, хворых и дезертиров тоже. Больных коней нет, ни потёртостей, ни сбитых копыт. Придётся подковы кое-где подправить, а в остальном всё слава Богу.

– Прекрасно, – кивал генерал. Он был доволен командиром кавалеристов, за пять дней марша не потерять ни одного человека, ни одного коня – это была хорошая работа. – Дайте коням и людям день отдыха. Я распоряджусь, чтобы мой управляющий дал вам овса, если найдёт, подкормите коней, покормите людей. Кстати, а как там ландскнехты идут?

– Ландскнехты весьма бодры. Готов поспорить, что и дня не пройдёт, как они будут тут, – отвечал майор.

Опять генерал был доволен, впрочем, в ландскнехтах он не сомневался. Сии люди воинские не зря кичились честью своей корпорации. Может, и не хороши они были, когда дело касалось дисциплины, но во всём остальном они мало кому уступали, а в свирепости и стойкости даже с горцами могли потягаться.

Но больше всего генерал, конечно, хотел знать, как поругался майор с графом, когда проезжал через его земли. И майор рассказывал про то, стараясь в рассказе быть сдержанным, потому как думал, что Волков его будет за склоку журить, но Волков, наоборот, его хвалил и, смеясь, говорил, что надо было графу отвечать злее, чтобы тот от своего бессилия гневался до красноты в лице.

Вскоре стали приходить господа офицеры, а тут Элеонора Августа, вместо того чтобы быть радушной хозяйкой и всех рассаживать за стол, вдруг устала. И усевшись со своей монахиней, лишь вздыхала.

И пришлось столom и гостями заняться той, у которой всё выходило ладно. И госпожа Ланге весь обед устроила хорошо. Так, что все офицеры полка были приёмом генерала довольны.

Не успели они уйти, как пришёл племянник Бруно Фолькоф, а с ним архитектор де Йонг и неразлучный приятель племянника Михель Цеберинг. Пришли, чтобы посчитать сколько бруса, и тёса, и гвоздей нужно будет вскорости. Но с ними кавалер долго не сидел, ещё раз объяснил, что скоро, со дня на день, придут в его землю люди. Много людей – тысяча, не меньше, – и людям этим до зимы надо дать кров. Вот и посчитайте, господа, всё, что для этого надобно. Только выпроводил их и уже на радость жене думал подняться наверх в опочивальню, как прибежал мальчишка и сказал, что люди во множестве идут к деревне, люди те военные и все в прекрасных нарядах, в таких прекрасных, что здесь таких никуда не видали. «Прекрасные наряды!» – Волков усмехнулся. Пёстрое и вызывающее, похожее на лохмотья, тряпье, которое носили ландскнехты, для местных и вправду могло показаться прекрасным.

В общем, сон опять откладывался. Генерал поехал встречать прибывающих солдат. И был приятно удивлён тем порядком и строем, с каким эти brave ребята входили в деревню в колонне по четыре. Барабаны, пики, как лес, качаются в такт ровному солдатскому шагу и барабанному бою, ряды идеальные – глаз не оторвать. Доспехи сверкали бы, не будь на них толстого слоя дорожной пыли, а под доспехами – жёлтые колеты, широченные рукава которых были иссечены десятками разрезов, чулки всех возможных цветов. Шляпы, береты, замысловатые шапки и перья, перья, перья. Перья на головных уборах настолько роскошные, что им позавидовали бы и городские нобили, и земельные аристократы. Для простых людей, что жили в таком захолустье, как Эшбахт, для которых поездка в ближайший город на ярмарку являлась событием удивительным, появление таких людей и вовсе было чудом.

Все выбегали смотреть на шагающих под барабан красавцев. Даже полупьяные посетители кабака, и обитающие там девицы, и сам трактирщик, все выбежали посмотреть на такое зрелище. А впереди разбитой на роты колонны под чёрно-жёлтым знаменем императора и бело-голубым знаменем кавалера фон Эшбахта ехали офицеры. Сам капитан Кленк и его лейтенант Холиман.

Да, зрелище было прекрасное. И местным очень нравилось.

Волкову было видно, что шествие подготовлено, что ландскнехты ходят так не всегда, но всё равно это было красиво. Единственное, что ему не нравилось, так это то, что уже к утру о приходе brave баталии в Эшбахт будет известно в кантоне.

Волков пожал руку и Кленку, и его лейтенанту. Сказал, что расположить солдат можно за околицей, на южном выезде из села, там, где стали кавалеристы Реддернауфа. А ещё он велел своим дворовым мужикам резать свиней. Всего у него в свинарнике было шесть свиней, и хорошо накормить такую прорву усталых людей ими было невозможно, поэтому он приказал

также нарезать бычка и тёлочку. И выкупил у трактирщика всё пиво и вино, что у него было. И так как этого тоже было мало, пришлось ещё кое-что добавлять из своих погребов.

Он освободился от забот и закончил разговоры с офицерами, когда солнце уже закатилось на западе за горизонт. Лишь тогда он на радость жене вернулся в дом и лёг с ней в постель. Она что-то радостно говорила ему, но он не понимал ни слова, ни единого слова не разобрал, пока проваливался в сон.

Ночь пролетела за мгновение, казалось, вот только что лёг, а уже жена тормозит.

– Господин мой, к вам пришли.

– Что? Утро уже? – едва открывая глаза, спрашивает кавалер.

– Давно уже, и к вам человек пришёл. Говорит, дело важное.

Волков приподнимается на локте, смотрит на жену:

– Что за человек? – он ещё спал бы и спал.

– Из ваших какой-то.

– Имя он назвал своё?

– Назвал, назвал, – отвечает Элеонора Августа, – да я позабыла.

«Дура».

– Распорядитесь, чтобы Гюнтер нёс мне воду, – произносит он, садясь на кровати.

– Да уже давно всё готово, ещё поутру велела вам согреть, – сообщает жена, довольная собой, и добавляет: – Я распорядилась вашего человека кормить.

Она улыбается и ждёт... Похвалы, что ли...

– Благодарю вас, – говорит он и начинает одеваться.

А она вместо лакея кидается ему помогать. Это опять удивляет генерала. Отчего она такая стала?

А человек его ждал, конечно, был по делу важному. Когда Волков спускался из покоев к столу, так, увидав его, со своего места встал и поклонился не кто иной, как капитан его Эрик Георг Дорфус, собственной персоной. И кавалер так ему обрадовался, что обнял молодого человека вместо ответного кивка:

– Позавтракали?

– Госпожа Эшбахт была весьма гостеприимна, – отвечал капитан.

– А что это у вас? – Волков садится за стол, а сам показывает на бумаги, что лежат подле руки капитана.

– Как вы и приказали, ещё раз был на том берегу. Чуть обновил карту и осмотрел ещё раз лагерь.

– Видели лагерь?

– Я в нём был, продал две бочки мёда интенданту.

– И что?

– С лагерем всё так же, – отвечал капитан, – укреплять его никто не собирается. Ров неглубок, частокола нет, рогатки на входах, и всё. То нам на руку.

Казалось бы, всё хорошо, но тон Дорфуса был вовсе не успокаивающий. А тут Мария принесла господину сдобные булки, только что испечённые, кофе горячий, печёную свинину в горчице.

Пока она ставила все это на стол, кавалер молчал, но как она ушла, он спросил своего офицера:

– Вижу, что не всё вам там показалось хорошим.

Капитан кивал, соглашался: да, не всё.

– За день, что я там был, в лагерь приехало двенадцать кавалеристов с южных сёл. А к вечеру пришли ещё двадцать четыре арбалетчика. И пока я лагерь не видел, там палаток-то поприбавилось.

Волков, увидав капитана, окончательно проснулся, а теперь, от последних слов его, уже даже и взбодрился. Отложил кусок булки, отодвинул тарелку с бужениной. А вот и он, главный момент всякого человека, который принимает решения, от которых будет зависеть его жизнь и жизни многих, многих людей, что пойдут с ним. Главный момент, момент принятия решения. И тут ошибиться нельзя. Хочется, хочется, конечно, переложить часть своей ответственности на кого-то другого, да на кого же? Кто за тебя примет это решение? И всё-таки он хочет знать наверняка:

– Думаете, тянуть нельзя?

Капитан начинает зачем-то ворошить свои бумаги, как будто потерял в них что-то важное, но там нет ничего эдакого, это всё он делает машинально, от осознания своей причастности к важному решению, от осознания своей ответственности за будущую кампанию, он молод и не хочет отвечать за принятие решения, ему неуютно под тяжёлым взглядом генерала. Но отвечать на заданный вопрос ему придётся, и он наконец говорит:

– День, два... Или, может, три дня у нас ещё есть для атаки на лагерь, дальше..., – Дорфус качает головой, – дальше не знаю... Одним полком со стрелками можем и не управиться. Думаю, что каждый день в лагерь приходят новые части, каждый день они усиливаются. А если протянем, так ещё и генерал их приедет. Тогда точно придётся ждать ещё полковника Эберста с его полком и артиллеристов Пруффа.

Большого кавалеру знать было и не нужно. Он сделал два больших глотка кофе из чашки, чуть помедлил, словно ловил удовольствие от напитка, и уже после крикнул:

– Гюнтер, господ Максимилиана и Фейлинга ко мне! – и, снова повернувшись к капитану, сказал: – Раз тянуть нельзя, значит, и не будем. Начнём дело.

Эрик Георг Дорфус, капитан его штаба, молча кивнул. Молодой человек был рад, что подобные решения приходится принимать не ему.

Глава 9

Сам собой пропал аппетит. Вернее, не пропал, просто стало сейчас ему не до еды. То волнение, что овладевает человеком перед очень важным делом, как раз и овладело им. И когда это волнение посещает деятельного человека, разве может он усидеть на месте?

Тут же господ Румениге и Габелькната он отправил к полковнику Брюнхвальду и майору Рохе, которые со своими частями стояли под Эвельратом, ожидая приказа выдвигаться в Лейдениц для погрузки. Молодые господа получили тщательные инструкции, которые они должны были донести до Брюнхвальда и Рохи, после чего сразу уехали.

А сам генерал, так толком и не позавтракав, велел господину Фейлингу ехать в лагерь, что был разбит чуть южнее Эшбахта, и сказать капитану Кленку и майору фон Реддернауфу, чтобы собирались со своими ближайшими офицерами на рекогносцировку. Волков думал показать господам места, дорогу на юг и берег, на котором они будут ждать баржи, после того как он уже высадится в кантоне.

– Что? – жена, спустившись вниз, увидала суету в доме, готовящихся в дорогу молодых господ и своего мужа. – Куда вы? Уезжаете?

– Надобно мне, госпожа моя, – как можно теплее отвечал он.

– Да как же вам надо?! Вы же одну лишь ночь дома были! И уже уезжаете.

– Говорю же вам, дорогая супруга моя, – продолжал он терпеливо, – враг зашевелился, надо мне ехать.

И, конечно же, она тут же спрашивает:

– А куда едете? А вернётесь-то когда? – спрашивает, мужа за рукав поймав и не выпуская, а сама смотрит, в лицо ему заглядывает.

Вот и что ей, гусыне, отвечать тут? Сказать, что едет он на войну и не понимает до конца, вернётся ли вообще?

– Еду я с господами офицерами сначала на юг наших владений, а оттуда в Лейдениц, встречать друга нашего Брюнхвальда. А как узнаю, когда домой вернусь, так о том вам весть пришлю, – говорит он. – А волноваться вам в вашем положении не нужно, – он даже погладил её по большому животу. – Чрево своё берегите.

– Войну затеяли? – она начинает лицом грустнеть прямо на глазах.

– Да не затевал я её, я её закончить думаю.

– Да когда же вы уже навоюетесь? – завывала Элеонора Августа. Слезы ручьями, словно воду кто на лицо ей льёт. – Когда я мужа видеть буду, когда спать буду спокойно? Когда мне виденья про смерть вашу перестанут мерещиться?

Она вцепилась в его одежду ещё сильнее.

«Ну не дура ли?». Он аккуратно высвобождается из её рук.

– Нет нужды вам такие видения смотреть, сам я не воюю, я генерал, воюют мои солдаты и офицеры. А я от войны далеко сию. И говорю же вам, скоро вам весть пришлю. Не кручиньтесь и себя злыми думами не изводите.

Кони были осёдланы, вещи уложены в телеги, Гюнтер, гвардия, молодые господа ждали его. А на выходе, вот ещё незадача, и Бригитт на него кинулась. Повисла, держа крепко. И тоже в слезах.

«Да что же вы меня оплакиваете?! Глупость какая! Так ведь и беду накличат, бабы глупые».

Он отправил Максимилиана с частью своих гвардейцев и со своими вещами к амбарам, а с Кленком, фон Реддернауфом и ближайшими их офицерами и капитаном Дорфусом поехал на юг, к рыбацкой деревне.

А сержант Жанзуан обжился там. У берега две лодчонки, сети сушатся на солнышке, лачуги подправлены, дым из очагов идёт, пара женщин насторожённо и даже с опаской поглядывала на приехавших офицеров, понимая женским своим чутьём, что такое неспроста.

«О, бабёнок завели люди сержанта. Это хорошо».

Надо отдать должное старому сержанту, маленькую заставу на холме он превратил во вполне себе крепкий маленький форт. Окопал как следует, ров, в человеческий рост глубиной, окружал заставу. Крепкий частокол, рогатки. Всё по уму. Старый сержант знал, что делал, за что и получил при встрече заслуженную похвалу от генерала.

– Ну, – спрашивал Волков, уже оглядевшись, – как они там?

Жанзуан, конечно, понимал, о ком идёт речь. И видя, что его слушают все остальные офицеры, докладывал:

– Так-то тихо, баржи ходят туда-сюда, – говорил он, понимая, что речь о кантоне идет, – а солдат мой, Вилли Гупп, неделю назад поутру, когда снимал сеть, видел офицеров ихних, были они верхом, дюжина, не меньше. Рано было, но они приехали к реке, смотрели на нашу сторону, а один всё рукой показывал на наш берег и что-то говорил.

– Вот поэтому, господа, – говорил генерал, – мы на берег не пойдём, смотреть на ту сторону будем из-за кустов. Не хочу, чтобы и нас так увидели с той стороны.

Так они и делали – прячась за кустами, ходили вдоль берега и слушали капитана Дорфуса, который, сверяясь со своей картой, им всё объяснял:

– Вот, господа, как раз напротив этого места и стоит их лагерь. Меньше мили отсюда, берег там пологий, и вода глубока, я видел, как к нему баржи приставали. Лучше места для выгрузки нет, разве что только на пирсы выходить.

Офицеры понимали, кивали головами, спрашивали:

– Так, значит, лагерь прямо тут?

– От берега идёте ровно на юг, мили не пройдёте, как будет дорога, двести шагов по ней на запад – и будут рогатки лагеря. Восточный край лагеря.

– А с другой стороны можно дойти? – интересовался генерал.

– Можно, – капитан снова заглядывал в свою карту, – выходите прямо на пирсы Мелликона, идёте так же на юг, и на окончании города будет западный край лагеря. Не промахнётесь.

Офицеры говорили о том, что сегодня же выведут к этому месту войска, чтобы быть готовыми. А Волков, хоть и думал о своём, разглядывая карту капитана, просил их встать лагерем в миле от берега, чтобы, не дай Бог, враг не заподозрил их прихода. И когда те обещали ему, что сохраняют своё присутствие от противника в тайне, он стал говорить сержанту Жанзуану:

– Высаживаться будем до рассвета, и чтобы местом в темноте не ошибиться, тебе надобно в трёх местах к утру ближе разжечь костры.

– Где прикажете разжечь? – спрашивал сержант.

– Один прямо здесь, на этом берегу. Второй ниже по реке, прямо напротив пирсов Мелликона, а третий на восточной оконечности острова, чтобы мы в темноте на остров не наскочили.

– Думаете идти на лагерь с двух направлений? – удивился Дорфус.

– А что? Нехороша мысль? – спросил кавалер. – Почему не атаковать его с разных сторон, вы же говорите, что лагерь не защищён ни с одной из сторон.

– Не знаю даже... Сил у нас мало будет. Бить придётся одним полком, может, лучше собрать все силы в кулак и смять их с одного направления?

Другие офицеры слушали их молча.

– Может, может, – как будто соглашался с капитаном генерал. Но далеко не первый раз Волков собирался воевать с горцами. – И всё-таки ударим с двух. Не дай Бог, успеют проснуться, не дай Бог построятся. Тогда их только ударом с тыла и можно будет взять.

Больше с ним никто не спорил. А он резюмировал:

– Значит так, господа, как только я с Брюнхвальдом и Рохой выхожу на тот берег, сразу освободившиеся баржи посылаю за вами, грузитесь без суеты, но и без промедления, к вечеру завтрашнего дня будьте готовы.

– Места для погрузки тут немного, – заметил Кленк, – три или четыре баржи станут только, кому грузиться первому? Кому готовиться вперёд?

Вопрос был правильным. И Волков даже не знал, как на него ответить. Он не мог сейчас сказать, кто ему потребуется на том берегу раньше: ландскнехты для взятия лагеря, если враг упрётся, или кавалерия, чтобы громить отступающего противника.

– Я вам сообщу, господа, – после некоторого раздумья отвечал он.

К вечеру того же дня он был у амбаров и переправился в Лейдениц. И что же? Ни одной новой баржи он у пирсов не увидел. Всего восемь барж, с подошедшей, а этого мало. Раздражённый, и уже ни от кого не скрываясь, поехал к Гевельдасу. А тот, прижимая руки к груди, говорил ему:

– Господин, хоть казните, хоть помилуйте, но барж нет, есть только те, что уже зафрахтованы. Других вовсе нет, просто нет. Ни одной лишней не пришло сюда за последние два дня.

Ну и что с ним сделать? Не казнить же, в самом деле.

– Верни мне оставшиеся у тебя деньги, – зло сказал кавалер.

– Да-да, конечно, – засуетился купец, полез в сундук, – я всё вам записал, всё вот тут, – он протягивал мешок с деньгами и бумагу. – Долги купцам раздал и обед им устроил. Очень, очень им понравилось, они с жёнами приходили. За вас выпивали. Говорили, что если ещё что-то надобно будет, так они со всем почтением...

«Сволочи, торгаши... Выли, скулили, проклятьями сыпали, а как деньги получили, так разве что не лучшие друзья...»

– Я у тебя лягу, не хочу, чтобы в постоянных дворах меня видели, – он вспомнил, что съел немного хлеба, что дал ему Максимилиан, съел этот хлеб, не вылезая из седла, – и поесть дай мне. И моим людям тоже.

– Всем вашим людям дать еды? – испуганно спросил купец, вспоминая, что людей у кавалера целый отряд.

– Да. Что, боишься разориться? – Волков усмехнулся. – А представь, купец, что мне их каждый день кормить.

– У меня просто нет столько еды дома. Надобно купить, а где сейчас купишь, ночь на дворе, разве что в трактире.

– Так купи. Не мог лодок найти, сколько нужно, так хоть еду найди.

Последний день перед началом дела – он всегда самый тяжёлый. Если нет у человека дел, который его отвлекут, так его будут тяжёлые мысли изводить. Всё ли он сделал правильно, всё ли предусмотрел. И главный вопрос, что мучает всякого, кто ремеслом воинским живёт: вернуться или нет, а если вернуться, не хворый ли, не увечный ли? У него, конечно, была Агнес. И она ему всё наперёд говорила, но... Он не верил ей до конца. Какая бы она ни была видящая и знающая, всё равно не верил. Генерал и раньше, в молодости своей солдатской, ходил к гадалкам, как и все его суеверные товарищи, и заговорённые предметы с собой носил в молодости. Но прекрасно понимал, что и предсказатели ничего толком предсказать не могут, а заговорённые амулеты не защитят тебя от копья жандарма или от сильного удара клевца по шлему.

Сидеть в доме купца до вечера, до прихода Брюнхвальда и Рохы, и думать о всяком этаким он не мог, это было выше его сил. Поэтому кавалер, взяв с собой несколько человек, поехал на пристань. Чего ему бояться? Что купчишка какой увидит его, сообщит о том завтра в кантоне кому-нибудь? Так горцы о его приезде уже знают, а войска с ним нет, значит, им и волноваться

не о чем. Если, конечно, не прознают они, что кавалерийский полк и баталия ландскнехтов выдвинулись уже к их стороне.

А на пирсах как раз стала на выгрузку большая и новая ещё баржа.

Под рогожами тюков разных горы. Товары, кажется, из Нижних земель. На барже заправляет всем молодой здоровый детина, стоит на корме, на всех покрикивает. Волков пошёл сразу к нему:

– Ты хозяин?

– Я, что надобно вам? – спрашивает детина так, что сразу видно – знает себе цену.

– Нанять тебя хочу. На неделю. Плачу вперед.

Он ещё договорить не успел, а хозяин баржи кричит ему:

– Нет! – и для верности головой трясёт.

– Отчего же нет? – Волков смотрит на него пристально.

– Дела у меня, уже есть заказ, – отвечает детина.

– Две цены даю, – не отступает генерал.

– Говорю же, нет, – отвечает ему хозяин и тоном говорит таким, что твёрже, чем железо.

– Давал тебе две цены, так теперь за одну поплывёшь со мной, – начинает злиться кавалер. Он делает знак рукой.

Тут же Максимилиан что-то шепчет Людвигу фон Каренбургу и Рудольфу Хенрику, и оба молодых господина, расталкивая грузчиков, что несут с баржи тюки, лезут на баржу, ловкие, быстрые, подходят к лодочнику, а руки держат на эфесах своих мечей.

– Это что? – восклицает тот.

– Сказал я тебе, что нанимаю тебя, просил по-хорошему, две цены давал. А ты только дерзил мне и упорствовал в глупости своей.

– Да разве ж так можно? – восклицал изумлённый детина, глядя на стоящих рядом с ним молодых господ неопрятного, угрожающего вида, которые ещё и руки свои держали на железе. – Это беззаконие!

Тут Волков даже смеяться стал:

– Беззаконие? Дурак, в этих местах закон – это я.

– Я жаловаться буду! – продолжает дурень.

А генерал ещё больше смеётся:

– Жаловаться? Кому? Кому ты, дурак, жаловаться будешь? Может, архиепископу Ланна? Или, может, курфюрсту Ребенрее? Или, может быть, консулам кантонов пожалуешься? Может, горцы тебя послушают?

– А, – прозревает детина, – знаю я, кто вы.

– Знаешь? И кто же я? – Волков улыбается.

– Вы тот, кто людям спокойно жить не даёт по всему верховью реки, вы Эшбахт, местный задира и раубриттер.

Эти слова, вернее даже, презрительный тон, которым они были произнесены, вдруг задел генерала. Да ещё и сказанные ему в присутствии его выезда и нескольких гвардейцев. Он сразу смеяться перестал, помрачнел прямо на глазах и кричит господину Хенрику, потому что тот высок и широк в плечах:

– Господин Хенрик, а ну-ка дайте мерзавцу в рыло как следует.

Господину Хенрику повторять надобности нет, он сразу кулаком бьёт лодочника сбоку в лицо. А фон Каренбурга и просить нет нужды, он ещё и ещё добавляет наглецу по физиономии. Тот хватается за разбитое лицо, но стоит, не падает лодочник, а Волков и кричит ему:

– Хотел с тобой по-хорошему, так ты, дурак, ласки не понимаешь! Поедешь со мной без денег, а ещё раз рот раззявишь и начнёшь дерзить, так велю тебе брюхо распороть и бросить тебя в реку, на радость ракам! А лодку твою заберу себе! А если вдруг кто отважится спросить

у меня про тебя, так отвечу, что наказал тебя за дерзость языка, и того моего ответа для всякого будет довольно!

Лодочник, вытирая кровь с разбитого лица, лишь косился на обидчиков и больше ничего не говорил.

Так кавалер нашёл себе ещё одну баржу для похода, и та баржа была весьма для него выгодна.

Глава 10

И всё-таки тревога так и не покидала генерала, даже за обедом. Ел мало, пил больше, пока наконец не приехал Габелькнат и не сообщил:

– Господин полковник Брюнхвальд обещал быть до ужина. А господин майор Роха со своими людьми будет и ещё раньше, так как идёт он очень споро.

– Максимилиан, – начал кавалер, – как люди придут, надобно их перед посадкой на баржи накормить как следует.

– И напоить было бы неплохо, – согласился знаменосец.

– Да, – Волков кивнул и полез в кошель, – возьмите часть гвардейцев и сержанта, найдите мясников, выкупите у них мясо, у пивоваров пиво, поваров найдите, посуду, чтобы к приходу людей им была горячая еда. А их будет больше тысячи человек. Всё, что найдёте, приказывайте свозить сюда.

Максимилиан тут же, взяв с собой сержанта Франка и пятерых гвардейцев, поехал в город искать всё нужное. А кавалер позвал к себе Хенрика и фон Каренбурга и говорит им:

– Слышали, господа, что скоро уже тут будут наши части?

– Слышали, господин генерал, – отвечает ему фон Каренбург.

– Думаю я, что враги наши раньше времени знать об их приходе не должны.

– Не должны, господин генерал, – соглашаются молодые господа.

– А купчишки тут есть и из горцев, люди они ушлые, увидят наших, так сразу поплывут в кантон о том сообщать.

Молодые люди его понимали, но молчали. Не знали они, что говорить и что делать. И Волков продолжал:

– Отсюда с пирсов я никого уже до ночи не отпущу, а вот от города отплыть они могут.

– И что же делать нам, генерал?

– Найдите тут лодку большую, с гребцами, спуститесь чуть ниже города по течению, и если кто на лодке до ночи решит проплыть мимо вас, так всех хватайте и ко мне тащите.

– Сделаем, генерал, – обещал фон Каренбург.

– Господа, это важно, коли кто предупредит врага о нашем походе, так встретят нас на берегу так, что кровью умоемся.

Молодые господа кивали, важность своего дела понимали и ушли исполнять своё поручение. А Волков сел у пирсов смотреть на воду, на людей и думать о том, что Роха должен быть уже недалеко.

И вправду, скоро у причалов, где был генерал, появился первым капитан стрелков Вилли. Да, самый молодой из всех капитанов, которых видел генерал за всю свою жизнь, он въехал на причал на недешёвом вороном коне. И с ним шла его первая рота, рота грозных мушкетёров. А уже за ними ехал на убогом меринке и сам майор Роха со всеми остальными людьми. А рядом с Рохой ехал капитан Мильке. Генерал удивился, что он приехал вместе с Брюнхвальдом и Рохой. Его место скорее было при обозе, при полковнике Эберсте. А он выбрал дело более опасное, не получая на то никакого приказа.

«Выслужиться хочет! Что ж, хорошо, он пригодится».

Пока он приветствовал прибывших офицеров, на улице, что вела к пристаням, появилась голова колонны полка Карла Брюнхвальда. И сам полковник ехал впереди своих людей на таком же, как у Рохи, невзрачном мерине. Полк шёл без знамени. И правильно.

Пришли солдаты раньше намеченного времени. Но Волков был тому рад. Вот теперь все глупые мысли о том, всё ли он сделал правильно, и о том, что враг о его приходе будет знать и к нему подготовится, – все эти переживания развеялись, как туман поутру. Не до них ему стало. Надо было кормить людей, сотни и сотни людей, сотни сильных мужчин, что делают тяжёлую

работу. А пока солдаты размещались на отдых, офицеры собрались и стали обсуждать дела. Капитан Дорфус разложил на ящиках карту, а старшие офицеры и генерал склонились над ней.

– Вот, господа, их лагерь тут, – Дорфус указывал пальцем. – А здесь самый удобный для выгрузки берег. Полмили на юг до дороги, полмили на запад по дороге.

– Ясно. Сколько их там? – спросил Роха.

– Около тысячи, – отвечал капитан. – Два дня назад было сто десять палаток, около двух сотен кавалеристов. Командира в лагере два дня назад ещё не было. Есть порох.

– Мы идём с востока, – говорит Карл Брюнхвальд. – Как с той стороны укреплен лагерь?

– Слава Богу, беспечны они, не думают, что мы начнём дело, и посему лагерь никак не укреплен.

– Что ж, хорошо.

– Здесь, с востока, места открытые, дороги, лесные опушки. Есть место, где построиться..., – продолжает Дорфус.

– Для стрелков место будет? – спрашивает командир стрелков.

– Да, полковник Брюнхвальд строит баталию в десять рядов, тут им места хватит, и вам, майор, и слева, и справа тоже место остаётся, если противник, конечно, успеет построиться, вы можете хоть слева по лесу подойти и стрелять им во фланг из мушкетов.

– Во фланг мы пострелять любим, – сказал Роха, – моим ребятам нравится, когда ни одна пуля впустую не улетает.

И тут заговорил кавалер:

– Только вот я думаю, что на лагерь мы пойдём с двух сторон. Карл, вы с двумя ротами и Роха с двумя ротами идёте с востока, а я с вашей третьей ротой и с третьей ротой стрелков высаживаюсь прямо на пирсах в городе и иду через него к лагерю с севера.

– Так можно врага всполошить раньше времени, – говорит полковник.

– Нет-нет, я начну высаживаться позже вас, когда вы уже будете к лагерю подходить. Думаю, что бить нужно с двух направлений, вдруг они успеют построиться и упрутся. Дело может застопориться. Тогда я выйду к ним в тыл.

– Да, так, наверное, будет лучше, – согласился Брюнхвальд. – Хотите взять мою третью роту?

– Да. Как там зовут её командира?

– Капитан Фильсбибург, – отвечал Брюнхвальд, немного морщась.

– Точно, – вспомнил генерал.

– Может, лучше дать вам вторую? Там крепкий офицер, зовут его Хогель. Он мне нравится.

– Я помню Хогеля и Хайнквиста, – произнес Волков. – Нет. Пусть лучшие роты будут с вами, вам предстоит самое сложное дело.

– У меня третья рота тоже не очень, – заметил Роха. – Половина вроде уже воевала, но стрельбы линиями ещё не знает, а половина и вовсе новобранцы.

– Тогда с этой ротой ты дашь мне Вилли.

– Может, вам взять ещё пару десятков мушкетёров? – предлагал майор стрелков.

– Нет, – отрезал Волков, – лучшие части должны идти с востока. Главный удар будет там.

– Хорошо, – Роха кивал, соглашаясь. – Тогда Вилли пойдёт с третьей ротой.

Волков посмотрел на капитана Мильке:

– Мильке.

– Да, генерал, – отозвался тот.

– Как только полковник Брюнхвальд и майор Роха освободят баржи, сразу, сразу отправляйте их на противоположной берег, там Кленк и фон Реддернауф уже будут ждать вас. И с быстротой наиболее возможной начинайте переправлять их к нам на помощь.

– Да, генерал.

– Надеюсь, что к тому времени, как они начнут высаживаться, дело будет решено, но всё равно вы должны торопиться.

– Понимаю. Я всё сделаю, генерал, – отвечал капитан.

Но этот совет не кончился. Главные вопросы были решены, потом офицеры принялись решать другие. Кто грузится первый, в каком порядке плыть, в каких баржах везти коней, сколько с собой брать пороха и арбалетных болтов, еды, фуража и всего прочего. Офицеры всё говорили и говорили, когда капитан первой роты Хайнквист, покормив своих людей, приказал им грузиться на баржу. И Волков одобрил его распоряжение, как ни крути, а плыть им нужно немало. После началась погрузка и второй роты. А за ней стрелков. Хорошо, что Брюнхвальд и Роха привели своих людей пораньше. Пока покормили их, пока распределили по баржам, пока погрузились, на колокольнях в городе колокола к вечерне давно уже отзвонили. В последний момент, уже перед отплытием, пришли Хенрик и фон Каренбург, приволокли человека:

– Вот, господин генерал, пытался уплыть на лодке вниз по реке. Да мы его схватили.

Человек тот был изрядно помят молодыми господами. Лицо его опухло и посинело. Он на генерала даже глаз не поднимал.

– Спрашивали его, откуда он, – продолжал фон Каренбург, – так он запирался. Пришлось его бить.

– И что он сказал?

– Сказал, что из Рюммикона он. Сознался. Сказал, что хотел к себе в землю ехать и выдать нас, рассказать своим людям воинским, что войско наше уже на берегу, уже грузится.

– Значит, сознался? – спрашивает генерал.

– Да, господин генерал, всё, как есть, выложил, – радостно сообщает господин Хенрик. – Что с ним делать, господин генерал? Говорят, шпионов вешают. Может, повесить его?

– Чего его вешать, то долго, верёвку ещё искать, – говорит товарищу фон Каренбург, – брюхо проткнуть да в воду кинуть. Река-то рядом.

– Да нет же, повесим вон на тех палках, чтобы все видели и знали, что бывает со шпионами, – говорит Хенрик.

Но Волкову это сейчас не нужно. Ему мир с кантоном Бреген нужен, а убийство его жителей ну никак миру не поспособствует.

– Нет, господа, убивать мы этого несчастного не станем. Он за свою землю радел, в том греха нет. И мы грешить не станем, всё-таки я Рыцарь Божий, и просто так человека убивать не хочу.

Бедняга шпион, слушавший всё это время о том, как выбирают ему смерть, впервые поднял глаза на кавалера.

– Но и отпустить мы его не можем, – продолжал генерал. – А то опять кинется предупреждать своих. Так что, господа, сломайте-ка ему ногу. Пусть тут сидит.

Господа с генералом спорить не решились, но на всякий случай, взяв тяжёлый кол, сломали шпиону ноги обе. Чтобы вернее было.

И всё, суета погрузки улеглась, последние люди поднимались на баржи. Волков был одним из самых последних. Да, как раз одной баржи не хватало, пришлось тесниться. В отряде его была рота Фильсбурга, больше трёх сотен людей, да третья стрелковая рота с капитаном Вилли, чуть больше сотни солдат. Да ещё два десятка гвардейцев с двумя сержантами, прапорщик Максимилиан Брюнхвальд, молодые господа из выезда: пять человек, тридцать одна лошадь. Еле влезли в три баржи, солдаты сидели плечом к плечу, оружие толком положить негде, тем не менее, спали почти все, люди весь день шли, а до зари начнётся дело – пусть выспятся.

Сам же Волков, сев на носу самой первой баржи, глаза сомкнуть не мог. Глядел на реку. На воду, на свою землю, что была по правую его руку, на чужую землю, что проплывала слева.

Опять вернулась тревога. Правильно ли он разделил отряд? Карл, хоть и согласился, но без радости. И другие офицеры тоже не приняли его задумку. Роха просто промолчал; с двух сторон бить, так ударим с двух. А ещё думал он, не прознал ли враг про их вылазку, иначе горцы устроят ему то, что он сам им устраивал на реке. А ещё сможет ли Мильке, в случае нужды, быстро переправить помощь с его берега.

И другие, другие опасения, которые нельзя, никак нельзя прояснить, пока не дойдёт до дела, но которые также и прогнать от себя трудно.

Уже смеркалось, когда баржи дошли до самой южной точки его владений, до самого красивого холма над рекой. Как раз до того места, где река быстрой стремниной сворачивала от юга и начинала течь на запад. К нему пришёл Максимилиан:

– Кормчий сказал, пять часов – и будем в Мелликоне.

– Пять часов? – Волков смотрел вперёд. В сторону запада. На садившееся за горы солнце. – Через пять часов рассветать начнёт.

Максимилиан кивал головой. Да, начнётся рассвет.

– Надо было выходить раньше. Чтобы хоть полковник до солнца выгрузился.

– Ничего, полковник успеет, а вот нам придётся при свете на пристани выгружаться, – сказал прапорщик.

С этим уже ничего нельзя было поделать. Баржи плыли по течению и никак свой бег ускорить не могли. А Волков больше не мог уже думать о всём том, что может пойти не так. Он уже устал от этого.

«Чёрт с ним, пусть будет как будет. Да хранит меня Господь».

Глава 11

Сержанту Жанзуану было приказано жечь костры. И первый из них надо было разжечь на восточной оконечности острова, чтобы баржи в темноте не налетели на него. Но это оказалось делом ненужным. Офицеры, хоть и знали, что ночи сейчас весьма коротки, но не учли, что коротки они настолько. Да и к тому же лунны и светлы. К острову подплыли, когда в рассветной дымке он уже проглядывал черными стенами своих деревьев. Остров и без костра было видно.

Волков так и простоял на носу первой баржи всю ночь. Садился и тут же вставал, и был мрачен – не успевал. Не успевали они до рассвета высадиться. Он уже начинал бояться, что с тех барж, что идут за ним, начнут кричать офицеры, начнут просить остановки, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. Он оглядывался, пытаясь рассмотреть в утреннем тумане баржи, и видел только нос первой, что шла за ним. Дальше ещё не видно, темно. А солдаты уже не спят, выпалились.

– Эй, господа солдаты, – кричит им кормчий, – вы все на один борт не наваливайтесь, у нас и так перегруз.

А солдаты смотрят на берег, что проплывает слева от баржи. Берег чёрный. Ни огня на нём, ни светлого пятна. Берег мрачный, одно слово – вражеская земля.

– Костёр! – кричит кто-то. – Костёр справа!

Волков, солдаты и все остальные, кто был на барже, поворачивают головы направо. Так и есть, на его земле пылает большой костер. Его издали видно, даже через туман.

– Наконец-то, – говорит старый солдат, что стоял сейчас рядом с генералом.

А генерал лишь взглянул на солдата быстро и поспешил на корму.

Стал вглядываться назад, глядеть на баржи, которые уже можно было различить в первых лучах рассвета. И тут в темноте сзади – фонарь. Туда-сюда. Туда-сюда. Огонёк пробивается.

Карл Брюнхвальд показывает, что поворачивает к берегу. Шесть барж с солдатами Брюнхвальда и Рохи отстают от него и начинают дело.

– Ну, храни вас Бог, господа, – тихо говорит Волков и снова идёт на нос баржи.

А солнце уже показалось из-за спины. Уже так светло, что третий костёр, что развели люди Жанзуана, костёр, который должен указывать на вторую цель на пристани Мелликона, уже и не нужен. Волков и так видит торговый город: хорошие дома над рекой, амбары, причалы, еще причалы, по берегу склады, лодки, баржи.

– Господин, – кричит ему кормчий, – у пирсов свободные места. Я туда пристану. Удобное место для всех трёх наших лодок.

Он указывает рукой, и кавалер видит те свободные места.

– Давай, – коротко говорит генерал и тут же обращается к своему оруженосцу: – Господин Фейлинг, вина.

Молодой человек тут же несёт ему большую флягу. Волков отпивает изрядно, пока Фейлинг стоит рядом и ждёт.

– А теперь шлем, – продолжает генерал, отдавая оруженосцу флягу и надевая подшлемник.

Людишки – не спится им, сволочам, – уже на пирсах. Птицы орут над рекой и в деревьях, что растут вокруг, солнце ещё не встало, а приказчики уже считают тюки и бочки. Грузчики доедают завтрак, люди торговые уже вылазят из своих барж на свет, потягиваясь со сна. И все с удивлением смотрят, как прямо к пирсам, доски об доски, ловко швартуются большие баржи.

А в баржах... Из барж, гуще чем рогоз, торчат пики, копья и алебарды. И шлемы, шлемы, шлемы. Видят местные люди, что приплывшие баржи полны добрых людей, что при доспехе, железах и при огненном бое.

Волков первый спрыгнул на дощатый настил пирса и пошёл себе по пирсам неспеша, забрала не закрывал, одна рука на эфесе меча, словно прогуливался, поглядывая на всех людей, которые в удивлении смотрели на него. А сидящий на свёрнутых верёвках молодой грузчик ещё не прожевал свой завтрак до конца, а тут вскочил и кричит ему весьма при том нагло:

– Эй, вы... Господин, а кто вы такой? И что с вами за люди?

Дурак, видно, не знает цветов. Иначе сразу бы понял по бело-голубому ваффенроку генерала, кто он. А тут Максимилиан с баржи слез и сразу пошёл за генералом, на ходу разворачивая великолепное бело-голубое знамя с чёрным вороном посредине.

– Эшбахт! – охнул кто-то.

И тут же звонко и испуганно полетело над пирсами:

– Эшбахт! Эшбахт!

– Признали наконец, – смеётся Максимилиан, глядя, как люди начинают разбегаться с пирсов.

Бежит, забыв завтрак, и незадачливый грузчик, орёт на бегу:

– Эшбахт напал! Стража! Эшбахт!

Волков тоже усмехается. Да, узнали. Он поворачивается и говорит:

– Господин Габелькнат, где мой конь?

Конь уже осёдлан, подруга подтянута, только сходни на пирс сбросить, и уже Габелькнат ведёт к нему его коня. Помогает сесть.

Гвардия его тоже выводит коней, а прапорщик уже на своём. Тяжёлое развёрнутое знамя едва колышется, трогаемое утренним ветерком.

Волков оглядывается по сторонам: пирсы почти опустели. Он крестится. Господи, пусть в лагере врага о нём узнают раньше, чем о Брюнхвальде.

А с трёх барж на пристань уже спускаются люди, вылазят, не спеша, на пирсы. Офицеры даже и не подгоняют людей. Неторопливо, словно купцы, выходят и осматриваются. Кладут сходни, коней начинают выводить. Без малого четыре с половиной сотни людей.

Волкову прикрикнуть бы, да не хочет поднимать суету. Тем более что к нему уже бегут офицеры третьей роты с Фильсбибургом во главе, капитан Вилли идёт быстрым шагом. Капитан Фильсбибург подходит первым, он ждёт приказаний:

– Господин генерал...

– Стройтесь в колонну по четыре, пойдём через город на юг, в городе никого не трогать.

– Будет исполнено, – говорит капитан.

– Капитан Вилли, – продолжает Волков, – кавалерии у меня нет, так что вам придётся ещё и дозором заняться. По десятку человек снарядить вправо от нас, влево, пусть пройдутся, поглядят, что и как, нет ли рядом кого, ещё десяток людей направьте вперёд, пусть дозором идут первые.

– Сейчас же распоряжусь, господин генерал.

– С дозорными отправьте тех сержантов, что посмышленнее. Солдаты пусть снарядят оружие, зажгут фитили и будут наготове, пусть смотрят в оба. Не хочу, чтобы местное ополчение ударило нас во фланг или с тыла.

– Будет исполнено, господин генерал.

Пора было выдвигаться, Волкову не терпелось поскорее добраться до лагеря врага. Но третья рота есть третья рота. Сержанты олухи и болваны офицеры всё ещё строили своих людей на пристани.

Дозорные уже давно разбежались в разные стороны, стрелки с капитаном Вилли уже ушли вперёд, скрылись на широкой, ведущей в центр города улице. Генерал уже раздражался, но ещё молчал:

«А господин капитан Фильсбибург всё ещё строится. К обеду, видно, на войну поспеет».

Кавалер всё ещё глядел, как офицер командует своими людьми и оправдывал офицера тем, что треть людей только что набраны, у Фильсбибурга не было времени привести часть в порядок, и сразу же думал о том, что Карл Брюнхвальд бы нашёл время, хотя бы на построение в колонну.

– Господин генерал, вестовые! – сказал из-за спины Максимилиан.

И вправду, по пирсам весьма бодро скакали к нему два всадника, которых он знал в лицо. Подлетели, остановились.

– Господин генерал, мы от полковника, – сразу говорит один из них.

– Как у него дела? – спрашивает Волков, стараясь делать вид, что он спокоен.

– Всё хорошо, все выгрузились, когда мы уезжали, стрелки и первая рота уже пошли к дороге, вторая рота капитана Хайнквиста заканчивала выгрузку.

– Отлично, скажите полковнику, что мы уже тоже... – он бросил недовольный взгляд на колонну солдат, – почти готовы, чтобы выдвинуться.

– Ещё капитан Мильке спрашивал, кого грузить в первую очередь, кавалерию или ландскнехтов? Баржи уже отплывают к тому берегу.

Генерал задумался. Он вспомнил карту, что нарисовал капитан Дорфус. Вспомнил и сказал:

– Кавалерию. Пусть грузится Реддернауф, а выгрузившись, пусть идёт в распоряжение Брюнхвальда.

Вестовые сразу ускакали, а Волков остался на пристани со своими размышлениями. Он стал сомневаться, правильно ли приказал грузиться первыми кавалеристам. Но потом плюнул, разве угадаешь? А теперь уже дело решённое, люди-то уехали.

Тут стала отплывать первая баржа, из которой все люди и лошади уже выгрузились. И один молодой солдат начинает кричать, и орёт мерзавец ему – генералу, да ещё и с надрывом, с волнением:

– Господин генерал... Это что...? Баржи уходят?

Волков тронул коня, подъехал ближе, чтобы не орать в горло, смотрит на крикуна в упор и говорит:

– У тебя есть алебарда. Зачем тебе баржи?

Солдат молчит. Подбегает к нему сержант, звонко бьёт его по шлему древком протазана:

– Чего ты пасть раззявил, дурак? Стой да молчи, когда скажут – кричи, что, законов воинских не знаешь, баран? Чего к генералу лезешь? У! – он суёт под нос солдату кулак.

А Волков уже кричит, чтобы все слышали:

– Баржи уходят за кавалерией и ландскнехтами, нам на баржи рассчитывать нет резона. Рассчитывайте только на товарищей своих, на крепкий строй да на молитву. И помните, горцы в плен берут, да вот пленных в живых потом не оставляют.

Солдаты и без него это знали. Но ничего, ещё раз о том напомнить им не повредит. Тут Фильсбибург дал команду барабанщику:

– «Готовься!».

Над пристанью рассыпалась, как сухой горох по доскам, короткая дробь. По рядам солдат прошла волна.

– Барабанщик, «простым шагом вперёд»!

И под бой барабана колонна людей двинулась прочь от пристаней.

И тут где-то вдали звук... Словно крепкую ткань рвут долгим движением.

– Господин генерал! – сразу оживился господин Фейлинг, что ехал пол корпуса лошади позади Волкова, – Слышали? Залп был!

– Мушкеты, – сухо произнёс Максимилиан.

Всё он слышал, генерал чуть приподнялся на стремянах и посмотрел вперёд, а затем крикнул:

– Капитан Фильсбибург, думаю, что лучше нам ускорить шаг, иначе полковник одолеет врага быстрее, чем мы придём к делу.

– Конечно, господин генерал, – отозвался капитан. – Барабанщик, «скорый шаг». Слышишь? Играй «скорый шаг».

В конце улицы стрелки Вилли встретили арбалетчиков, которые вышли из лагеря тоже, видно, на разведку. И сразу меж ними завязалось дело. Вилли всё-таки был ещё слишком молод, чтобы быть капитаном. Иначе бы связываться с арбалетчиками не стал и отвёл бы своих людей. Но он решил, что для семидесяти стрелков, что были с ним, четыре десятка арбалетчиков – не задача, что к приходу колонны он очистит дорогу в лагерь врага. А арбалетчики аркебуз не испугались и не побежали, горцы, даже арбалетчики, редко бегают. И вскоре, к удивлению своему, капитан Вилли понял, что арбалеты мало того, что заряжаются быстрее аркебуз, так ещё и болты кидают намного точнее, чем ружья пули.

Когда колонна показалась на улице из-за поворота, восемь стрелков уже были ранены, а самому капитану достались аж два болта. Хорошо, что молодой офицер, что служил в стрелках, доспех имел добрый. Стёганку отличную, кирасу, шлем с бугивером. Тем не менее, пришлось одному из стрелков вырезать ему наконечник болта из ляжки. А вот у его дорогого коня доспехов не было, и горцы сразу нашпиговали его болтами, как рождественский окорок морковью. Конь так и издох у стены большого сарая, тут же на улице.

Волков злился на Вилли, видя всё это:

«Дурак, сопляк. И людей потерял столько, и сам поранился, и коня хорошего угробил. Роха, старый осёл, предлагая его в капитаны, не видел, что ли, что мальчишка ещё не имеет опыта достаточного».

Впрочем, он и себя винил в этом, оттого ещё больше злился. Очень не хотелось бы ему потерять офицера ещё в самом начале дела. Слава Богу, что молодой капитан держался молодцом и, крепко завязав бедро тряпкой, остался со своими подчинёнными.

Вот так и началась самая, быть может, главная битва в его жизни. И начиналась она не так, совсем не так, как ему хотелось бы.

Генерал уже начал злиться. Всё, всё было глупо, с самой посадки на баржи, которую ему нужно было поторопить, а не ждать, пока солдаты не спеша насытятся. В баржах бы доели. Потом эта третья рота... Чёрт бы её побрал с её тупыми сержантами и ничтожными офицерами. Рота, которая, как нарочно, долго выгружалась и долго строилась. И тут ему некого было винить, кроме себя, ну не Фильсбибурга же в самом деле обвинять. Он сам ждал этих баранов вместо того, чтобы рявкнуть и поторопить их. Ну, признаться, он хотел дожидаться первых дозорных, которые сказали бы ему, что вокруг ни справа, ни слева нет вражеских частей. Но ведь он всё равно их не дождался, так что это не могло служить оправданием.

И ко всему этому ещё и Вилли, который в простой ситуации, как говорится, на ровном месте потерял столько людей. Да ещё и сам получил рану.

И как результат – вместо того, чтобы уже ворваться в лагерь врага, кинуться к его палаткам, чтобы убивать не готовых к бою и мечущихся без командиров и без доспехов солдат врага, он видел перед собой это!

Им навстречу, перегораживая широкую улицу, такую широкую, что и шесть телег смогли бы разъехаться по ней в раз, строились горцы-сволочи. Строились по-деловому, умело, быстро. Это не третья рота капитана Фильсбибурга. Первый ряд в тридцать человек – сплошное железо. У любого, какого не возьми, доспех на три четверти. Всё как положено. Пики, пики, копыя, алебарды, протазаны. И после первого ряда ещё шесть рядов отличных солдат. В первом их ряду, кроме бородатых «стариков», есть и молодые бойцы, так они от нетерпения аж пританцовывают, от избытка сил аж подпрыгивают на месте, так им не терпится начать. Пока до конца не построились, даже кричат в сторону солдат Волкова что-то обидное. Как построятся, так

слова больше не произнесут. Звука не издадут, драться будут молча, со стиснутыми зубами. А пока задираются.

Надсмехаются, жестами показывают, как глотки резать. Одна радость, что их и на семь рядов толком не хватило, всех горцев тут и двух сотен не будет. А арбалетчики их и вовсе с глаз пропали. Это с одной стороны хорошо, теперь для Вилли раздолье будет, но с другой стороны, они неизвестно откуда могут появиться.

– Вилли, – орёт генерал, – чего ждёте, капитан, начинайте уже, пока арбалетчики не пришли и не перебили вас всех.

– Да, генерал, – и хромая, увлекает за собой первую линию своих людей на позицию стрельбы.

– Пятьдесят шагов, не больше! – кричит ему Волков. – В морды стреляйте, в лытки, иначе вы их не возьмёте!

– Да, генерал.

– Капитан Фильсбибург, – продолжает орать генерал, – вы что делаете?!

– Баталию строю! Десять линий поставлю, господин генерал! – кричит в ответ капитан.

– Нет! Восемь линий по тридцать два человек. Остальных в колонну по шесть, ставьте их в тылу баталии. То резерв будет.

– Будет исполнено, господин генерал.

– Румениге, Габелькнат. – Волков оборачивается к молодым господам.

– Да, сеньор, – господа, сразу видно, волнуются.

– Возьмёте каждый по три гвардейца...

Господам аж в сёдлах не сидится. Сейчас им дадут первое боевое задание. Настоящее задание.

– Объедете все дворы, что рядом, берите всё, что горит...

– Всё, что горит? – удивлённо спрашивает Габелькнат.

– Да, дрова, хворост, сено, солому, масло, смолу – всё, всё, что горит, и свозите сюда. Всякого, кто посмеет перечить, убивайте без промедления.

– А зачем же нам всё горючее? – спрашивает чуть разочарованный Румениге, видно, не такого задания он ожидал.

– Если на крыше какого дома появятся арбалетчики, надо сразу дом тот поджечь, – отвечал генерал, не отрывая глаз от врага в конце улицы, и по тону его сразу всем становилось ясно, что он знает, что говорит, а старый солдат ещё и добавлял: – а может, нам ещё и всю улицу придётся запалить... Так что не стойте, не стойте тут, делайте, что велено.

Вилли со своими людьми уже вышел на нужную дистанцию, Фильсбибург достраивал свою роту как надобно. Но Волков не очень-то на них надеялся. Единственное, что его успокаивало, так это те звуки, что опять доносил до него ветер. Это были такие приятные звуки. Он снова слышал новые залпы мушкетов. Брюнхвальд и Роха делали своё дело.

Глава 12

Вилли вышел на нужную дистанцию и начал стрелять. Видно, что у офицеров было время, чтобы поучить новобранцев. Люди его выходили на позицию стрельбы по двадцать человек, а не всем скопом, как это было принято. Они старались стрелять линиями. Солдаты слушали команды, целились и стреляли, когда Вилли кричал: «Огонь».

Резко фыркая, аркебузы выбрасывали короткие и быстрые струи огня и большие белые клубы дыма, отстрелявшиеся тут же уходили назад, а их место занимали новые стрелки.

Аркебуза... Да, это совсем не мушкет. Залп! И из строя врага вышел один человек. Враги наклоняются из ровного ряда, смотрят друг на друга, проверяют, многие ли побиты. Нет, немногие. Стоят дальше. Ещё залп.

Ещё один горец хватается за руку и, отдав ближайшему товарищу пику, начинает пробираться сквозь ряды назад, в тыл. И только с третьего залпа был первый убитый. Невысокий, но коренастый и мощный горец просто плашмя рухнул вперёд, а его алебарда лишь звякнула о мостовую.

Три залпа, шесть десятков человек выстрелили, два раненых и один убитый, ну, может, три раненых. И это при том, что люди Вилли стреляли с пятидесяти шагов. Арбалетчиков нет, никто им не мешал. Да, всё-таки аркебузы – это и близко не мушкеты. Стреляя его люди из мушкетов, так пятерых или шестерых горцев товарищи уносили бы уже мёртвыми, а ещё десяток или дюжина уползали бы сами.

Но в поведении горцев генерала кое-что удивило. Славящиеся своим напором, неотразимым ударом своих великолепных, монолитных баталий, горцы терпеливо стояли под огнём. И смотрели, как на линию огня выходит четвёртая двадцатка людей капитана Вилли.

Справа сплошные бревенчатые стены больших амбаров, слева крепкие заборы. Их баталия перекрывает всю дорогу, ни справа, ни слева их не обойти.

– Отчего же они не атакуют? – сам у себя тихо спрашивает генерал, он-то на их месте обязательно пошёл бы вперёд.

А тут за спинами горцев появляется всадник. Он ездит за спинами своих людей, начинает указывать что-то кому-то. Не иначе, офицер. Хотя офицеры горцев обычно руководят боем пешие, а этот на коне. Мало того, он ещё и со щитом. Это тот самый небольшой щит из железа, который не берет аркебузные пули даже в упор.

Вилли выводит на позицию огня четвёртую двадцатку стрелков.

Солдаты стреляют. Офицер поднимает свой щит к лицу, закрывается, мало ли... Резкие хлопки, пламя, облака дыма и...

И ничего, ни один из врагов не упал и не покинул строй. Горцы, кажется, смеются уже. Волков морщится, словно только что у него заболела нога, хотя болит она у него уже как час. Смотрит через дым на смеющихся врагов и вдруг понимает. Он понимает, почему эти свирепые воины не идут в атаку. Да, эти ублюдки ждут.

– Чего? – снова сам у себя спрашивает генерал. – Чего они ждут?

– Что, кавалер? – не расслышал Максимилиан.

Волков отмахивается. Он лихорадочно думает, чего может ждать враг. И ответов несколько. Конечно же, подмоги, или пока ещё один отряд, пройдя по городу, не выйдет ему в тыл, или пока на крышах ближайших амбаров не появятся арбалетчики. От этих догадок ему становится не по себе. Всё ясно как день, ему никак нельзя терять время, никак!

– Вилли! Вилли! – орёт генерал, – отводите своих людей.

– Ещё один залп, – кричит ему капитан, – они уже снаряжены.

Волков трогает шпорами коня, подъезжает к Фильсбургу:

– Попробуйте их сдвинуть, капитан.

- Да, господин генерал.
- Но на резерв не рассчитывайте.
- Понятно, господин генерал.

Фильсбибург слезает с коня, бежит к своим людям, что ждут его:

- Барабанщик! Играй «готовься» и «приставной шаг».

Последний залп аркебузирова был самым удачным. Три врага в первом ряду получают ранения. Это хорошо, первый ряд – это самые ценные бойцы.

А барабан, отгремев дробь «готовься», начинает выстукивать мерный «приставной шаг». Сержанты, срывая глотки, орут: «Левой». Баталия колыхнулась и в такт барабану, разом, с одной ноги пошла на врага.

Никаких, никаких иллюзий генерал не испытывал. Он знал, что эти двести сорок солдат не то что не смогут опрокинуть, они и с места не смогут сдвинуть сто восемьдесят оставшихся в строю горцев.

Но надо было пробовать, ведь время было не на его стороне. С самого вчерашнего вечера.

Барабан застучал «пики». Все, кто был в солдатах, хоть арбалетчик ты, хоть стрелок – все его отличают от других сигналов, даже если он тебя и не касается, да что там говорить, даже в кавалерии знают этот сигнал.

«Пики опустить, пики к бою. Пики опустить, пики к бою», – так и вылетает из-под палочек барабанщика.

Всё, что стучал барабан до этого, было только приготовление к делу. А вот когда он начинает выбивать прерывистую, ритмичную, узнаваемую всеми дробь – дело и начинается.

Волков неотрывно смотрит на то, как сближаются две баталии, пики в три человеческих роста уже опущены, шаг, ещё шаг, и вот наконечники одних пик уже почти касаются наконечников встречных пик. Барабан смолк. Дело затеялось.

Глухие удары железа о кирасы, о шлемы, удары, отсюда почти неслышные и совсем, кажется, не страшные. Но не прошло и пяти минут, как два солдата тащат уже первого мертвеца с проткнутым горлом. Кладут его к забору, где лежит один мёртвый стрелок с торчащим из груди болтом, и ещё один стрелок умирающий. Но Волкову не до мертвецов. Этим уже ничего, кроме могилы да молитвы, не нужно. Он смотрит, как его люди пытаются навалиться на горцев.

Если стоять в стороне, то всё происходит не так уж и громко. Казалось бы, столько людей, столько железа, столько злобы, столько усердия, а до генерала доносились в основном резкие крики сержантов да монотонный гул. А ещё кавалер следит за офицером врага, тот так и мотается вдоль своего последнего ряда туда-сюда. Ни на минуту не остановится.

Кавалер прекрасно понимает, толку никакого в этой атаке нет. Разве что проверить своих людей да чуть-чуть пустить крови горцам. Вот и всё. А что ещё он может сделать?

Уже несут ещё одного к забору. Тоже не жилец, пробил ему шлем, крепко пробил. Из-под подшлемника ручьём течёт почти чёрная кровь. Нет, не жилец. И тут сквозь гул сражения, как елей на истерзанную душу, хороший такой залп мушкетов. Кажется, все сто сразу ахнули. Брюнхвальд и Роха делают своё дело.

Тащат ещё одного к забору, уже мёртв, в груди дыра маленькая, четырёхгранная. Это алебарда. Опасная, зараза, вещь. От прямого, колющего удара мало какая кираса защитит.

«Интересно, Реддернауф уже начал высадку?»

Он поворачивается к своему выезду, сначала смотрит на Фейлинга – нет, не то. Совсем юн ещё. Максимилиан при знамени, тоже нельзя отпустить.

- Господин фон Каренбург, господин Хенрик.
- Да, генерал, – отвечает за обоих фон Каренбург.

– Езжайте к полковнику, узнайте, как у него дела, – но, честно говоря, генерала волнует другое, он всерьёз волнуется, ведь пока всё идёт не по его плану. Горцы не разбиты, не бегут,

лагерь не взят, напротив, они организовали оборону лагеря и тянут время. Они безусловно ждут помощи. – Потом езжайте на берег, посмотрите, господа, не начал ли высадку фон Редернауф.

– Будет исполнено, – отвечает фон Каренбург.

– Господа!

– Да, генерал.

– Будьте внимательны, не попадитесь в засаду, кругом горцы, они не будут просить у ваших родственников выкуп за вас, они вас просто убьют.

Пока говорил с ними, ещё одного тяжело раненного принесли и уложили у забора. Волков вздыхает, он надеется, что и у горцев есть потери, но отсюда ему не разглядеть. Отсюда, из-за спин своих солдат, ему видно только офицера-врага да голову его лошади.

Вилли идёт, хромает и машет ему:

– Господин генерал, у меня все снаряжены, может, мне попробовать пролезть им во фланг?

Волков чуть оборачивается назад:

– Господин Фейлинг, скачите к капитану, скажите, чтобы отводил баталию. Но скажите, чтобы делал то аккуратно. Не дай Бог, опрокинут его.

Отступление, отход войска из схватки – дело крайне опасное, особенно если сцепился с горцами. Те, почувствовав слабинку, звереют, чуя лёгкую кровь, наваливаются со всей яростью, стараясь смять врага, а при удаче и вовсе повалить первый и второй ряды наземь. Это и будет разгромом, но Волков был уверен, что его люди отойдут в целости, ведь в резерве у него стоит ещё без малого, если считать с гвардейцами и господами, сто человек.

Команда выполнена, барабан бьёт:

«Шаг назад раз, два... Шаг назад раз, два...»

И схватка расцепляется. Пики, те, что не сломались, поднимаются к небу. Честно говоря, кавалер надеялся, что враг начнёт насадать, будет мять, наваливаться, и тогда, отступая, его люди выведут его на перекрёсток улицы. Там уже можно будет использовать резерв, он сам с удовольствием спешится и поведёт гвардейцев своих во фланг, в бок этой горской сволочи.

Но горцы остались на месте. Теперь у него не осталось ни малейших сомнений.

«Мерзавцы ждут помощи! Ну хоть потрепали их немного».

А офицер так и ездит за спинами своих людей, командует, а горцы ровняют строй, люди раненные выходят из него, потерявшие оружие снова вооружаются. Враги смыкают ряды. Они не будут ни отступать, ни нападать. Они ждут!

«Чего? Чего они ждут?»

– Вилли! – орёт генерал, он уже почти в ярости. – Какого дьявола вы стоите?! Вы же хотели пострелять! Так идите, идите и наконец убейте их офицера! Или хоть пораньте его. И стреляйте с сорока шагов! Не давайте этим сволочам продыху.

Глава 13

Прибежал стрелок из тех, что были посланы в дозор и находились сейчас правее всех сил генерала на одной из боковых улиц. Солдат озабоченный, то ли бежал быстро, то ли перепуган.

– Господин, сержант велел передать, что там на улице, – стрелок махнул рукой, в западном направлении, – люди.

«Люди». И это не простые граждане города. Не пекари и не купчишки, не какие-нибудь каменщики. Люди – это... люди.

– Сколько? – сразу спрашивает Волков, сие первое, что нужно знать командиру о враге. – Много их?

– Дюжина. Может, больше, они из-за угла вышли, нас увидели и встали сразу. В доспехе все в хорошем. Постояли и ушли за угол.

– Офицер был при них, стрелки, арбалетчики, конные?

– Конных не было... Офицер? Не разглядел я...

– Вас, дураков, зачем туда послали? – зло говорит кавалер. – Не разглядел он, олух.

И было отчего ему злиться, ситуация складывалась неприятная. Скорее всего это уже местные собираются. Сколько в городе их? Город хоть и не очень большой, но очень богатый, тут во всяком доме доспех имеется. Он и так был невесел, а тут ещё больше помрачнел.

Вот и плоды задержек и опозданий прорастают. И что теперь? Что ему теперь делать? Отводить людей? Или выяснить, сколько там на улице человек? Даже если местные сотню соберут, то ему будет очень тяжело.

– Иди, – говорит он резко, – беги к сержанту. Сразу начинайте стрелять, как их ещё увидите. И сразу мне сообщайте.

Солдат, тяжело стуча ботинками по мостовой, побежал к своей части.

И первый раз вместе с рождающимся в глубине души страхом закралась к нему мерзкая и скользкая мыслишка. «А не пойти ли, пока ещё не стало поздно, пока в тылу или во фланге его не появился отряд горожан, назад, к пристаням? Не захватить ли баржу да не отплыть ли на ней к себе?».

Нет-нет, то дело ублюдочное, трусость – суть холопская, ему, Рыцарю Господа, такое не пристало. Это от дьявола всё, это рогатый искушает. Нельзя бросать Брюнхвальда и Роху. Если придут сюда с соседней улицы отряды, у него есть резерв, почти сто человек, он перекроет улицу и будет стоять, ждать высадки фон Реддернауфа и Кленка.

А тем временем от стрельбы такой дым на улице стоял густой, что дышать было непросто. И теперь пули аркебуз после каждого залпа доставали всё больше и больше врагов. Первый ряд горцев, что был в начале боя, почти полностью сменился. Теперь людей с хорошим доспехом стало заметно меньше. Пули стрелков, да и стычка с баталией Фильсбибурга прыти и наглости горцам поубавили. Волков подъехал ближе через дым пороховой и с удовлетворением отметил, что всего у горцев осталось шесть рядов в баталии, и шестой был отнюдь не полон. Жаль, что офицер вражеский всё ещё ездил на своём чёртовом коне за спинами своих чёртовых солдат.

И, видно, залпы аркебуз так измучили противника, что за спинами его снова появились арбалетчики.

«Слава Богу, что не на крышах соседних амбаров».

И тут же полетели болты через головы вражеской баталии, и все опять доставались стрелкам Вилли. Один, второй, третий стрелок, выходя на исходную позицию, ловил арбалетный болт в плечо, в руку или в бедро. Волкова перекосило от злости, а ведь вроде всё налаживалось, как хорошо было, когда после залпа одной линии трое, а то и четверо врагов покидали строй.

«Ублюдки!».

Волков чуть проехал вперёд:

– Вилли, хватит, отводите людей! Отводите!
Он не мог допустить сейчас таких потерь.

Капитан Вилли даёт команду, и стрелки бегом покидают свои позиции, и тут же арбалетные болты начинают лететь уже в людей Фильсбибурга. Тянуть нельзя, время сейчас не на стороне генерала, он едет к капитану:

– Капитан...

И тут за спиной Волкова Максимилиан вдруг выругался:

– Дьявол!

А потом кричит господин Фейлинг, и в голосе его слышится страх и возмущение:

– Максимилиан, вы ранены...!

Волков оборачивается.

Болт ударил знаменосца в щеку, под правую скулу. Распорол её, кажется, выбил зуб, зацепился за край шлема и упал вниз. Из разорванной щеки на горжет и кирасу обильно течёт кровь.

– Вы ранены, Максимилиан! – продолжает кричать бестолковый Фейлинг.

– Замолчите, болван! – орёт на него Волков и уже спокойнее говорит Максимилиану: – Прапорщик, отдайте знамя сержанту Хайценггеру.

Сержант, услышав это, тут же подъезжает к ним. Он готов взять знамя, дело это для всякого почётно.

– Нет-нет, я в порядке, – с трудом отвечал молодой прапорщик, доставая из седельной сумки чистую тряпку и прикладывая её к лицу.

«Не хватало ещё, чтобы эти ублюдки мне знаменосца убили или чтобы он знамя уронил».

– Капитан Фильсбибург, – говорит Волков, – идите уже на них, врежьте им как следует.

– Да, генерал, – отвечает капитан, – барабанщик, играй «готовься».

Пока Вилли стрелял, Фильсбибург выровнял линии и, взяв из резерва людей, пополнил их. Теперь его восемь полноценных линий выглядели заметно внушительнее, чем шесть неполных линий врага.

И пошли солдаты кавалера вперёд. Сошлись. Теперь, не имея возможности стрелять в солдат Фильсбибурга, арбалетчики горцев сразу стали кидать болты в Волкова, Максимилиана и молодых господ. Волков хотел быть ближе к своим солдатам, но один болт попал ему в шлем, тут же ещё один порвал знамя, ещё один царапнул незащищённую в тот момент руку Румениге, и ещё один слегка зацепил шею его коня. Болты сыпались дождём – пришлось отъехать, чтобы сохранить лошадей.

И опять понесли солдат к забору, чтобы уложить в ряд своих раненых и мёртвых товарищей. А горцы дрались так, что не только сами не уступали, а ещё давили на баталию Фильсбибурга.

А у забора уже человек тридцать лежит, кавалер перестал считать мертвых и раненых. Он надеялся, что и противник несёт потери. Да нет же, он знал, что так и есть, но противник на своей земле. К ним помощь может прийти в любую минуту, а вот к нему...

Он сжимал и разжимал кулаки, приходя в ярость. Злился он в основном на Фильсбибурга, полагая, что тот слишком хладнокровен во время дела. Это было невыносимо. Генерал не мог вот так сидеть и ждать, зная, что дорога каждая минута, что всякая следующая может всё изменить, всё перевернуть ему во вред и привести к разгрому.

– Фейлинг, – рявкнул он, – дайте-ка мне мою секиру.

– Господин генерал..., – только и произнёс оруженосец.

– Сержант Хайценггер, ты и твои люди со мной, знаменосец тоже, – продолжал генерал, уже слезая с коня.

– Господин генерал, сие не должно вам, – вдруг заговорил Максимилиан, так и держа окровавленную тряпку возле лица, видно было, что он не согласен с приказом, на памяти кавалера

лера первый раз прапорщик заупрямился и оспаривал его решения, но ума возражения свои излагать тихо у него хватило, – если... вас даже просто ранят, дело будет проиграно... Дело и вся кампания. А может, и всем вашим людям конец придёт.

Волков не слушал, он уже ногу из стремени достал, но тут к ним подбегает капитан Вилли и сообщает:

– Их арбалетчики убежали, господин генерал, пусть Фильсбибург отведёт своих людей, я ещё постреляю, теперь у них доспехи похуже будут, теперь мы их свинцом нашпигуем. Только дайте.

Волков размышлял всего мгновение. Дело было не в предложении молодого капитана стрелков, дело было в том, что Максимилиан прав. Сейчас, когда всё словно подвисло на волоске или, вернее сказать, висит на весах взбалмошной Фортуны, лучше не рисковать.

– Хорошо, капитан Вилли, передайте Фильсбибургу, пусть отводит баталию, – наконец произносит генерал и снова ставит ногу в стремя.

Он надеялся, что сейчас горцы пойдут за отступающими и выйдут на широкое место, и тогда он точно сам поведёт резерв и гвардейцев, чтобы смять им фланг. Но офицер за спинами горцев не собирался покидать позицию. Стал ровнять ряды.

«Ждёт, он точно кого-то ждёт».

А к ним уже побежали стрелки Вилли.

«Высаживались на заре, а сейчас осталось, кажется, два или два с половиной часа до полудня».

Единственное, что его утешало, так это то, что, выровнявшись, враги едва набрали пять целых рядов, да ещё дюжину людей.

А Фильсбибург из резерва брал себе в пополнение столько людей, чтобы снова выставить восемь полноценных рядов. В резерве же осталось едва пять десятков свежих солдат.

Как только Вилли вывел на позицию стрельбы первую свою линию, так Румениге сообщил:

– Хенрик с Каренбургом едут.

Господа подъехали, Волков едва сдерживался, чтобы не поскакать к ним навстречу, так он хотел знать новости.

– Брюнхвальду тяжело, – сразу заговорил фон Каренбург, – против него было шесть сотен горцев. Да ещё арбалетчики одолевают, он просит вас больше навалиться на свой край, чтобы отдышаться.

– Только Роха его и выручает, – продолжает за товарища Хенрик. – Говорят, дураки-кавалеристы горцев стали из лагеря выезжать, чтобы построиться для атаки, а Роха к ним подошёл на сто шагов и так их ударил, что половину лошадей им сразу перебил, им пришлось спешиться.

– А наших кавалеристов не видели? Вы были на берегу? – задал самый главный вопрос кавалер.

– Нет, господин генерал, через берег мы проехали, на берегу никто не высаживался.

– Берег был пуст.

Тут он понимает, что ко всем его ошибкам, совершённым в этом деле, прибавляется ещё одна. Никак нельзя было отдавать приказ о погрузке кавалерии в первую очередь. Теперь ему было ясно как день, что первым нужно было грузить Кленка. Его ландскнехты погрузились бы в три раза быстрее, чем кони фон Реддернауфа.

Да ещё в две баржи сразу влезло бы три сотни человек, а кавалеристов в те же две баржи всего сотня, если не меньше.

И только сейчас это ему стало ясно. Как пришлось бы сейчас кстати хотя бы три сотни этих отличных пехотинцев. Хоть ему, хоть Брюнхвальду с Рохой. И на кого теперь орать, на кого зубами от ярости скрипеть, как не на себя.

Он смотрит на баталию Фильсбибурга, капитан пополнил её, в ней снова восемь рядов по тридцать человек. В резерве уже меньше пяти десятков.

– Значит, у полковника Брюнхвальда тяжело? – спрашивает он.

– Да, генерал. Потери у него и Рохи велики, – отвечает фон Каренбург. Хенрик кивает, соглашаясь с ним.

– Господа Хенрик и фон Каренбург, – говорит генерал, – прошу вас проводить этот отряд, – он указывает на оставшийся у него резерв, – в помощь полковнику Брюнхвальду.

– Да, господин генерал, – отвечает за обоих фон Каренбург.

– Прошу вас, сделайте это со всей возможной поспешностью. А на обратном пути снова заезжайте на берег, посмотрите, не выгружаются ли кавалеристы.

– Будет исполнено, господин генерал, – кланяется фон Каренбург.

Глава 14

Снова пороховой дым заволок улицу. Вилли командует линиями, в этом он поднаторел. Волков снова видит, как после каждого выстрела строй врага покидают раненые. Или товарищи их уносят или сами выходят.

«Крепче, крепче бей сволочей, Вилли, не зря же я тебя капитаном утвердил, бей их быстрее, пока снова не прибежали арбалетчики».

Стрельба линиями, которую изобрели Вилли и Роха, действительно эффективна. Из восьми десятков людей, что были в распоряжении молодого капитана, шестьдесят уже отстрелялись и, отойдя назад, спешно заряжают оружие, а на линию стрельбы выходят последние двадцать человек.

– Целься! – орёт Вилли.

Горцы уже не бравуруют своей силой, лучшие из них, те, что стояли в первой линии в начале боя, почти все уже своё получили, теперь стоят другие. Они прикрывают лица латными перчатками или наклоняют перед залпом голову, чтобы пули попадали в крепкие шлемы, закрывают незащищённые места оружием. Их лица злы до предела, глаза источают лютую ненависть. Они жуть как ненавидят этих стрелков, которые вот так вот, ничем не рискуя, спокойно выходят на свою позицию, чтобы ранить их, увечить и даже убивать. Волков усмехается, напряжение, что не отпускало его с самого рассвета, вдруг отошло, позабылось. Стрелки стреляют сейчас очень неплохо, жаль, что у них не мушкеты. А ещё думает о том, что в случае его поражения стрелкам лучше в плен не сдаваться. Ибо простым перерезанием горла или ударом в сердце они не отделаются. Горцы им припомнят этот расстрел. Припомнят. Судя по их лицам, они стрелков на куски будут резать.

Он не заметил, как к нему подбежал стрелок, снова тот, что к нему уже прибежал:

– Господин!

Всё благодушие, что было навеяно таким приятным расстрелом врага, сразу испарилось, он почувствовал новую тревогу.

– Ну, говори.

– Началось дело, сержант меня прислал просить помощи.

– Что, снова пришли они? – кавалер имеет в виду горожан.

– Пришли господин, три десятка, с аркебузами, с арбалетами, уже затеяли кидаться.

«Три десятка. Как вовремя, как раз когда я отдал последний свой резерв Брюнхвальду. Три десятка... Пока что пустяки. Но кто знает, сколько их будет ещё». Ему нужно было поехать посмотреть. Обязательно, он должен был сам увидеть и оценить опасность.

– Максимилиан, знамя останется тут, – он даёт шпоры и едет к Фильсбибургу. – Капитан, я отъеду, там на улице горожане, кажется, собираются при железе, вы за старшего. Пусть Вилли продолжает стрелять дальше. Пусть всех перебьёт, вы пойдёте вперед, если его снова отгонят арбалетчики. И если уж пойдёте, так столкните их наконец.

– Да, генерал, – отвечал капитан. – Как пожелаете.

Но вот тон капитана кавалеру совсем не понравился. Фильсбибург, кажется, боялся. Чего – непонятно. То ли что генерал его бросает и убегает, то ли остаться старшим в таком тяжком деле.

«Не Карл Брюнхвальд и не Роха. Даже не Вилли». Хоть теперь и не хотелось ему ехать, но прояснить ситуацию ему было необходимо.

– Приглядывайте за ним, – сказал генерал знаменосцу и добавил уже господину Фейлингу: – Оставайтесь с Максимилианом вестовым, если что-то пойдёт не так, скачите ко мне, я в поперечной улице налево отсюда буду.

Генерал боялся оставить это место надолго, поэтому ехал быстро. Он забрал с собой всех своих гвардейцев, двадцать человек, и двух сержантов, ещё с ним были Габелькнат и Румениге. Так и поскакали.

И были на месте уже вскоре. И вовремя. Горожан, правда, было не три десятка, а чуть больше двух, но доспех был у них отличный, и оружие подстать. Правда, половина из них были арбалетчики и стрелки, а уже за ними, чуть поодаль, стояли горожане с оружием белым и другим. И на улице висел пороховой дым. Один из стрелков был уже мёртв, ещё один был тяжело ранен арбалетным болтом, а сам сержант ранен пулей в плечо, под самый край кирасы. Он закрыл забрало, спешился и пошёл вперёд. В его доспехе ему нечего было опасаться. Он недавно стоял в нём под градом болтов и пуль на берегу одной забытой Богом речушки. Пусть болваны-горожане займутся им. Пусть попробуют взять. И тут же ему в кирасу ударила пуля. Щёлкнула, расплющилась и отлетела, оставив лишь вмятину.

«Этот доспех делали для курфюрста Ланна и Фринланда, болваны».

Он на всякий случай достал меч и прошёл несколько шагов ещё.

А тем временем сержант Франк и его люди уже спешившись, принялись за дело. Не зря этих стрелков Роха и Вилли отобрали ему в гвардейцы. Не прошло и минуты, как сидевший в сорока шагах от генерала арбалетчик получил в свой красивый щит три пули, одна из которых, пробив павезу, перебила ему ногу. Щит упал, арбалетчик, бросив арбалет и роняя болты на мостовую, стал прыгать к своим товарищам на одной ноге, те подхватили его, но он всё-таки получил ещё одну пулю себе в бок. Одет он был только в стёганую крутку, которую пуля легко прошила, оставив на боку его дыру и чёрное пятно от крови. Волков был удовлетворён.

«А вот так вот стреляют мои гвардейцы».

Пусть горожане знают. Подумал, что потом наградит за этот поучительный случай своих людей.

Теперь ситуация изменилась, горожан для атаки теперь было мало, и в стрельбе у них не было преимущества, и им пришлось отойти в конец улицы. И оттуда городские арбалетчики лениво кидали болты, больше для острастки, а не для урона.

В общем, ничего тут страшного он пока не видел. Раненого сержанта и его солдата Волков уже отправил к своим главным силам, он торопился, хотел вернуться туда сам, не желая оставлять главное место сражения надолго. Фильсбибург не имел достаточной твёрдости, по его мнению. И солдаты с таким офицером, как он, могли и размякнуть, и даже начать волноваться. И сейчас генерал уже давал распоряжение сержанту Хайценггеру, решив оставить его тут старшим. И вдруг увидал он господина Фейлинга, который только что свернул с большой улицы на эту и погнал коня вскачь. Он ехал к нему, и так быстро, что всякому, кто это видел, стало ясно: что-то случилось.

«Пришли арбалетчики врага снова. Вилли убит. Пришла помощь к горцам. Они мнут нашу баталию. Убит Фильсбибург. Что ещё? Что ещё?»

Его сердце похолодело, он захромал к своему коню, почти побежал.

Уже сядил в седло, когда подскакал Фейлинг и почти крикнул:

– Господин генерал! – у мальчишки глаза горят, лицо тоже. – Отступают, они отступают!

– Что с Фильсбибургом? – первым делом спрашивает Волков.

И почему-то Фейлинг тут удивился:

– С Фильсбибургом? С господином капитаном всё хорошо. И с господином капитаном Вилли всё было хорошо, когда я уезжал.

– Как же хорошо, если они отступают? – злится кавалер.

– Так нет же, не мы отступаем, горцы... Горцы отступают! – кричит Фейлинг. – Они отходят к лагерю!

– Заманивают, – говорит генерал, он уже в седле, бьёт коня шпорами. – Что-то придумали.

- Они уже и лагерь подожгли, – полетел рядом с ним господин Фейлинг.
- Волков не поверил своим ушам, не сбавляя хода, он кричал:
- Они подожгли лагерь?!
- Да, господин генерал, они подожгли лагерь! – кричал ему в ответ оруженосец.

Фильсбюрг и вправду был не очень хорошим офицером. Видя, что враг отходит, что он уже в лагере, он не стал его преследовать, не пошёл за ним, не побежал, не навалился изо всех сил, чтобы смять и раздавить его, когда тот уже потерял строй. Можно было, конечно, предположить, что он побоялся засады или хитрости, но ведь Вилли уже был в лагере. Лагерь горел, не весь, конечно, а стрелки молодого капитана били кого могли, мешали противнику забирать раненых, выводить оставшихся коней, поджигать сложенную провизию. Колонна измотанного врага прошла через лагерь на юг, а Фильсбюрг так и стоял со своими людьми у лагеря, не решаясь в него войти. И на вопрос, отчего он не пошёл на помощь полковнику Брюнхвальду, капитан, ни секунды не задумываясь, отвечал:

– Вы же не приказывали.

«Кто тебя только назначил капитан-лейтенантом в твоём бывшем полку? Видно, по знакомству».

– Идите, капитан, – заорал кавалер, указывая плетью на восток, – самым быстрым шагом ступайте на помощь полковнику!

И капитан побежал отдавать приказ, но этого уже не требовалось, прибежал от Вилли человек и сообщил, что с другого конца, с востока, в лагерь уже вошли стрелки майора Рохи.

Волков поехал к восточной стороне лагеря, ехал не спеша среди дыма, а порой и огня, за ним ехали знаменосец, оруженосец, его гвардия.

– Мерзавцы! – кричит он солдатам. Он их знает в лица, это стрелки из роты Вилли, которые уже забыли о враге, выносят из палаток горцев самые разные вещи. – Хватит обшаривать палатки, ищите не серебро, а горцев! Пленных не берите!

Стрелки тут же убегают за соседнюю палатку. Генерал, как никто другой, знает, что они всё равно будут искать себе прибиток среди брошенных горцами вещей. Только строгий сержант их сможет остановить. Солдаты есть солдаты.

Горцы вышли из лагеря, пытаясь его сжечь. Конечно, всё сжечь им не удалось, но кое-что они запалили. Палатки где-то горели, телеги, масло и жир в бочонках горели, горело любимое всеми солдатами толчёное сало с чесноком, целые бочки сгорали, источая адский запах. Но большая часть всего того, что было в лагере, врагу сжечь не удалось. Они даже не смогли вывести всех коней из стойла. Что уже говорить про горы мешков с провизией.

Дым в горящем лагере врага – что может быть слаще для солдата? Ничего, но вот Волков сейчас не чувствовал этой сладости. Уж очень много он переживал за это утро, чудо, что грудь и рука не разболелись.

Брюнхвальд и Роха встретили его у выезда из лагеря.

– Поздравляю вас, генерал, с победой, дело наше вышло, – Карл доволен, он улыбается.

– Да, не просто было, но получилось, – говорит Роха без всякой радости. – Жаль, что народа много потеряли.

Уж лучше бы молчал, кавалеру и так невесело:

– Сколько же?

– Капитаны рапорты ещё не подали, но сдаётся мне, что ранеными и убитыми у меня полсотни, не меньше.

У Вилли в роте потери человек пятнадцать.

– А у вас, Карл?

– Две сотни, – на сей раз строго говорит полковник. – Никак не меньше. А может, и больше. Дело было очень тяжкое. Очень. Они успели к нашему приходу выйти, а пока я стро-

иля, они тоже построились. И, как у них принято, упёрлись – не сдвинуть. Ещё потом и кавалеристы спешили, тоже к ним встали, так начинали даже нас давить. Благо, мушкеты выручали, но вот уж арбалетчики... От них продыху не было ни нам, ни стрелкам. Просто истязали нас. Я уже и не знал, что делать, чувствую, жмут меня, хотя их и меньше немного было. И тут с севера ваш отряд, что вы мне послали. Очень, очень вовремя. У них сразу пыл поиссяк. А за ними следом через десять минут, смотрю, и фон Реддернауф едет.

– Он высадился?! – восклицает генерал.

– Да, с ним восемь десятков людей, и как он начал им в правый бок заезжать, так они к лагерю и попятились, – завершает рассказ Роха.

– А сейчас где кавалеристы?

– Я велел ему ехать трепать отступающих, сам я преследовать их не мог, устали люди, еле стоять могли, – докладывает Брюнхвальд. – Велел идти кавалеристам. Но наказал преследовать горцев без лишнего рвения, чтобы не терять людей и коней, – так, потоптать раненых да отбившихся от больших отрядов. Может, какого офицера раненого в плен изловить. Нам не помешало бы сейчас расспросить кого-нибудь.

«Повезло мне с этим человеком. Всё знает, всё понимает, ничему его учить не нужно».

– А Реддернауф не сказал, почему так долго грузился? – спрашивает генерал.

– Нет, нам не до того было, – отвечает полковник, – как он приехал, так в дело пошёл, а как враг стал уходить, так я его вслед ему послал.

Вскоре всё стало успокаиваться. К полудню огонь в лагере, тот, что не был потушен, догорел сам. От реки пришло ещё девять десятков кавалеристов. Капитан, что привёл их, сообщил, что дальше грузиться будут быстрее.

– Отчего же поначалу так долго грузились? – строго и с укором спрашивал ни в чём не повинного кавалериста генерал.

– Место было плохое, господин генерал, – отвечал офицер.

– Как же плохое, – чуть не орал кавалер, – я сам его глядел. Чего там плохого, берег полог, и глубина есть, чтобы баржи подошли.

– В том-то и дело, господин генерал, что глубины там и не хватило, – объяснял офицер. – Первая баржа подошла, эскадрон в неё и погрузился, а баржа от груза так на дно села, что её и не столкнуть было. Не смогли её от берега оттолкнуть, пришлось выгружать всех, или иначе пришлось бы по десять человек через реку в барже возить. Начали искать место поглубже; пока капитан Мильке такое нашёл, пока баржи туда подогнали, а там места мало, лишь две к берегу встать могут... Вот так и долго вышло.

Волков молчал. Вот что значит война – всякая ничтожная мелочь, всякое незначительное дело, всё что хорошо придумано, может этак на взмах и перечеркнуть. Хорошо, что Мильке додумался новое место найти, а не стал гонять полупустые баржи. Непросто всё-таки быть генералом. Непросто.

– Хорошо, – наконец говорит генерал, – сколько людей с вами прибыло?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.